

INSPIRIA

ЖЕНЩИНА В БЕГАХ

РЭЙЧЕЛ ХАУЗЭЛЛ
ХОЛЛ

УБИЙСТВО ПО СОСЕДСТВУ:
СОВРЕМЕННЫЙ БРИТАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

INSPIRIA

Рэйчел Хауэлл Холл

Женщина в бегах

Серия «Ток. Убийство по соседству»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65682158

Женщина в бегах: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-118119-2

Аннотация

Изабель Линкольн пропала.

Или она в бегах?

Грейсон Сайкс должна отыскать её. Хотя она подозревает, что Изабель не хочет быть найденной, расследование неумолимо затягивает. Каждый новый секрет, каждая новая частица опасной правды рассказывает Грей о тайной жизни Изабель.

«Мы, женщины, делаем то, что должны, чтобы выжить».

Судьбы двух женщин сплетаются в опасной игре в кошки-мышки. Приз в этой игре – истина, жизнь, отмщение.

Новый детективный роман Рэйчел Хауэлл Холл «Женщина в бегах» многие называют прорывом в карьере писательницы. Недавно вышедший, он уже номинирован на премию «Энтони» в категории «Лучший роман в твердом переплете». Это интригующая и местами пугающая история о двух сильных женщинах, чьи судьбы переплетаются. Изабель Линкольн исчезла, а Грейсон Сайкс должна ее найти и помочь спастись.

Каждый новый секрет, каждая новая частица опасной правды рассказывает Грей о тайной жизни Изабель. И Сайкс понимает, что их жизни очень похожи...

Содержание

Ей пришлось уйти...	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	19
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	53
Глава 7	57
Глава 8	68
Глава 9	70
Глава 10	77
Глава 11	92
Он должен был ее остановить	104
Глава 12	104
Глава 13	116
Глава 14	136
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Рэйчел Хаузэлл Холл

Женщина в бегах

*Посвящается Гретхен, Джейсону и Терри
Посмотрите-ка на нас...*

*Не нужно комнат привиденью,
Не нужно дома;
В твоей душе все коридоры
Ему знакомы.
Эмили Дикинсон*

Copyright © 2020 by Rachel Howzell Hall + This edition
published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and
Synopsis Literary Agency

© Ударова Н., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Ей пришлось уйти...

Глава 1

Ей пришлось. Пришлось глянуть в зеркало заднего вида, поскольку сзади к ней подбирался черный джип.

Ближе...

Черный джип с зеленым значком «Рендж Ровер» в левой части решетки радиатора.

Еще ближе...

Джип остановился в нескольких дюймах от ее заднего бампера.

Первым делом до нее донеслась музыка – рэпер Ноториуз Биг, трек «Hypnotize».

Черт!

Но, может, и не стоило беспокоиться. В конце концов они же не посреди пустой дороги. Они в Лос-Анджелесе, вон там магазин со спортивными товарами. И вон забегаловка «Тако Белл». На витринах красуются надписи: «Фо бо!», «Массаж!», «Комиксы!».

Но это все не важно, потому что сейчас она будто бы единственная женщина на Земле. А на мужчине, сидевшем в машине позади, надеты знакомые солнечные очки-авиаторы и...

Вдруг это его машина? Черт-черт-черт!

Каждый раз, завидев черный «Рендж Ровер», она чувствовала, как волоски на руках и шее встают дыбом. И в Лос-Анджелесе такое происходило раза по четыре на дню.

Она дрожала. Паника расходилась по всему телу. Она постаралась справиться с собой: задышала часто, затем более глубоко, пока страх не обосновался где-то в районе живота. Она напряглась, стараясь припомнить все детали – хоть что-то, что бы убедило, что машина сзади – не его. Например... Может, на зеркале заднего вида болтался желтый освежитель воздуха? Или черную краску на крыле рассекала царапина?

Ничего подобного...

Она оказалась в ловушке: машина слева, машина справа, впереди перекресток, на светофоре – красный. На пешеходном переходе – медленная старушка.

Что, если он откроет заднюю дверь моей машины, пока я тут сижу?

Но двери заперты.

Что, если он попытается разбить окно?

Ну, тогда... Тогда она рванет на красный, постарается не сбить старушку.

А если все-таки собьет?..

Нет.

Она не позволит ему вот так взять и подойти.

Водитель снял солнцезащитные очки. Глаза... Она посмотрела в зеркало заднего вида.

– Это не он.

Глаза... Слишком маленькие. И так широко расставлены.

Убить ее обещал точно не этот человек.

На этот раз ей повезло.

Глава 2

Лос-Анджелес – город неба. И сегодня все в нем задыхались под небом грязно-голубого оттенка. Позже вечером это небо станет словно розовый кварц, а утром – как апельсиновая карамелька. Все из-за близости океана, автомобильных выхлопов, заводов и дыма, от которых отражается солнце. Небо-убийца, которое медленно, молекула за молекулой, уничтожает четыре миллиона человек.

Но Грейсон Сайкс не суждено умереть в этот одиннадцатый день июля, став жертвой лос-анджелесского неба.

Сегодняшний день она планировала завершить порцией тако за доллар и клубничными «Маргаритами», которые она разделит с коллегами в баре «У Сэма Хосе».

Они обсудят грядущую пенсию Зэди, девичник Клариссы и интрижку Дженнифер с механиком мужа.

У Грей не намечалось свадьбы, и до пенсии ей было далеко. «Завтра точно не буду так много есть», «Ты серьезно?», «Я сегодня прошла свою норму шагов» – вот что она обычно говорила, стоя в очереди во время счастливого часа, пока четверо подруг заказывали еду, коктейли, смеялись и поглядывали на мужчин. Кто-то из этих мужчин должен уже был быть дома с женой, кто-то пропускал тренировку в тренажерном зале, кто-то обещал шефу корпеть над презентацией о финансовых показателях в «Power-Point».

Дженнифер Беллман тем временем сидела в холле здания из дымчатого зеленого стекла и металла, в котором находился офис компании «Рейдер Консалтинг». Расположившийся в двух шагах от великолепного Тихого океана, «Рейдер Консалтинг» занимается поиском всего, что угодно – от домашних животных до беглых преступников. Найти кого угодно где угодно, пробраться туда, куда и копов не пускают? Нет ордеров? *Не проблема!* Нужна информация? *Вот, пожалуйста.* Все – от проверки биографических данных до поиска любовников, с которыми вы давно потеряли связь. От простого поиска в интернете и глубокого погружения в даркнет, скажем так, до иных методов.

Дженнифер делала вид, что читает журнал «Пипл», который нашла на журнальном столике. Она специализировалась на розыске пропавших должников. Выискивала информацию, вынюхивала и рыла землю в поисках пропавших без вести. Мужчины попадались на ее внешность: красивые волосы, грудь, блузка, эту грудь обтягивающая; всерьез ее не воспринимали и не утруждали себя необходимостью держать свои рты (как и ширинки) закрытыми.

– Ты что здесь сидишь? – спросила Грей.

Дженнифер закусила нижнюю губу.

– На третьем этаже новая компания, айтишники. Начальник – ходячий секс в костюме «Хьюго Босс». Ему необходимо узнать о моем существовании.

Сплетни, шуточки, флирт – это все о Дженнифер (три раза

была замужем и все еще при муже). И порой она ведет себя куда хуже.

Худшая версия Дженнифер вместе с Грей направилась к лифту.

– Ты куда? – спросила она.

– В аптеку.

– Без обид, но я не понимаю, почему мы в таком восторге от стопроцентного льна.

– Ты о чем?

Грей нажала кнопку «вверх».

– Да твои штаны, дорогая.

Дженнифер ткнула в смятые белые льняные брюки Грей, затем по-детски захлопала голубыми глазами.

– Как называется порода собаки, которая вся в морщинах и складках?

– Шарпей?

Дженнифер хлопнула в ладоши.

– Точно! Складки, как на твоих брюках. Хотя они милые. Я имею в виду шарпеев.

Блондинка Дженнифер, как всегда, с идеальной прической. Платье «Чико» с цветочным рисунком обтягивает идеальную грудь. Такая молодец эта Дженнифер Беллман. Всегда готова идти вперед и так хочет всем угодить.

На самом деле нет. Дженнифер Беллман, разменявшая шестой десяток, – старый ротвейлер в обличье кокер-спаниеля.

Женщины вместе вошли в лифт. У Грей начали слезиться глаза: Дженнифер душилась так, что хватило бы на небольшую страну. В конце дня обычно и от самой Грей начинало пахнуть зефиром и ванилью.

– Кстати, – сказала Дженнифер. – Тебя искал Ник.

– Да, он написал. Доверил мне первое настоящее дело.

Дженнифер всплеснула руками:

– Больше никаких потерявшихся чихуахуа! Что там?

Муж-изменщик?

– Пропавшая девушка.

Двери лифта открылись на втором этаже.

– Тебе понадобится помощь, – сказала Дженнифер. – Я тебе все расскажу. Совет первый: когда ничего не помогает, плачь. Люди начнут тебя жалеть и тут же расскажут все, что нужно, лишь бы ты успокоилась.

Зэди Мендельбаум, уже седая женщина, стояла у буфета, сжимая пачку «Кэмел» и бутылку «Доктор Пеппер». По долгу службы она постоянно работала с документами, и со временем на лице ее выработалось прищуренное выражение, со вздернутым кончиком носа. Она всегда выкуривала по пачке сигарет в день, а руки у нее были утонченными, по размеру, как у хоббита. В компании «Рейдер Консалтинг» она работала с момента ее основания – семь лет назад, и всегда гордо называла себя «первой сотрудницей».

Эта пожилая женщина напоминала Грей одну из ее приемных матерей. Наоми Эпплвайт тоже обожала «Доктора Пеп-

пера», но курила она «Ньюпорт» и при этом поедала мятные карамельки. С Наоми Грей пробыла семь месяцев. За две недели до восьмого класса Служба защиты детей вырвала Грей из той унылой квартирki в Окленде, и ее отправили в интернат для девочек. Без каких-либо объяснений. Всякий раз, когда Грей улавливала запах табака и мяты или гвоздики, солодки и миндаля, она думала о Наоми Эпплвайт. Что теперь, когда она работала с Зэди, случалось очень часто.

– Ходили на перерыв без меня? – Зэди зашла вслед за двумя женщинами в кабинет Грей.

Грей повесила сумочку на вешалку.

– У меня первое дело о пропавшем человеке.

– Поздравляю, дорогая, – сказала Зэди. – Как настрой?

– Мне не терпится начать! Но я нервничаю. И еще тошнит.

– Прямо как девственница на тюремном родео? – спросила Дженнифер.

– Никогда не была на родео, – ответила Грей. – Так что возможно.

– У тебя все получится. – Зэди ткнула пальцем в стопку книг на столе Грей. – Похоже, ты изучила вопрос.

Два года Грей числилась в «Рейдер Консалтинг» внештатным сотрудником. Она писала отчеты, расшифровывала записи и делала многое, многое другое. Но теперь ей хотелось стать частным сыщиком. Она изучала справочники, ходила на специальные курсы, две недели по пятам преследовала Ника и смотрела видео на «Ютубе». Она даже начала чи-

тать детективы Хэммета, Чендлера и Мосли. Ник вписал ее в свою лицензию, а свою она сможет получить через три года. А потом он дал ей дело: найти Чито, похищенного чихуахуа.

– Дело вроде нетрудное, – сказала Грей. – Найти девушку парня. Надеюсь, особенно я не облажаюсь.

– Да ты как будто сама себя не знаешь, – поддела ее Дженнифер.

Грей вытащила салфетку из коробки на столе.

– Знаю. Но я ведь лучше всех здесь пишу отчеты.

Она протирала стекла своих черепаховых очков, но не сводила глаз с Дженнифер.

Дженнифер слащаво улыбнулась.

– Это совсем другое. Сама увидишь.

Зэди постучала ногтями по бутылке «Доктор Пеппер».

– До сих пор помню свое первое дело. Была суббота, он остался дома, а жена с детьми поехали в синагогу. Он покормил собаку, открыл входную дверь, вытащил каяк. А потом вроде как утонул в марине. А на самом деле он проплыл на три мили вниз по берегу. Там, за лодкой гребаного наркодилера, у него лежала припрятанная сухая одежда, а в придачу новая жизнь и новое имя.

Грей и Дженнифер переглянулись. Зэди только что пересказала, как тридцать лет назад пропал ее муж Сол.

– Ну, женщины все время исчезают, – сказала Дженнифер. – Иногда специально.

Может, устала от своего мужчины, от его рук, от работы,

от долбанных тарелок в раковине. От тарелок, которые никто не мыл, даже когда от них начинало вонять на весь дом. И если она не забирала с собой детей, то целовала их на прощание, выносила мусор и просто... исчезала.

Натали Диксон, с которой Грей когда-то была знакома, вот так и сбежала.

В отличие от мужчин женщины оставляли свою личность вместе с ключами, документами и неоплаченными счетами за электричество. Эти женщины, возможно, и задавались вопросами о своей прошлой жизни: как они живут без меня? Что делают? Вымыли ли они наконец эту проклятую посуду? Но больше они ничего не предпринимали. Они никогда не возвращались к своим старым жилищам. Никогда не искали свои имена в «Гугле», не проверяли свои страницы в «Фейсбуке». В отличие от большинства мужчин женщин редко удастся найти. Все, что они хотят, – это начать новую жизнь.

Вот и Натали Диксон тоже мечтала о новой жизни и не хотела, чтобы ее нашли. Грей вспоминала, что бедную Натали постоянно грызло чувство вины и кололи миллионы глаз, а она боялась, что не одна, так другая пара этих глаз ее вычислит.

– Два-три дня максимум, – сказала Грей. – Так Ник сказал.

– Я бы посоветовала использовать твою сексуальную привлекательность, – сказала Дженнифер, глядя на свои коралловые ногти, – но увы. Но зато ты обаятельная. Можешь об-

суждать книги... И фильмы... И политику. Ах да, и комиксы. Импровизируй. Придумай там всякого.

Грей приподняла бровь.

– Всякое я хорошо придумываю.

– Она лучше тебя будет, Джен, – сказала Зэди.

– Сомневаюсь, – пропела Дженнифер, криво усмехаясь. –

Я верховный лжец!

Дженнифер ткнула пальцем в Грей.

– Думаешь, я сейчас веду себя как стерва? Только попробуй не прийти сегодня и посмотришь, какая я буду завтра. В одиночку я Клариссу не вынесу.

Зэди закатила глаза.

– Тебе бы только болтать всякое.

– Я дам знать насчет сегодня, – сказала Грей.

Дженнифер хлопнула рукой по столу.

– Нет уж! У меня было много мужчин, и я знаю, что «дам знать» – значит «я не приду».

Грей рассмеялась.

– Увидишь своего морячка, – добавила Дженнифер.

– Он в отставке.

Новым владельцем «У Сэма Хосе» стал Хэнк Векслер. Две недели назад этот пехотинец с квадратной челюстью, голубыми глазами и волосами с проседью утверждал, что татуировка в виде букв на иврите на его левом предплечье – имя Грей. Правда, тогда ее имени он даже не знал. Грей это

тем не менее не остановило, и она с удовольствием, закусывая текилу, слизывала соль прямо с его кожи. Через час они с Хэнком оказались в его кабинете. Казалось, будто они знали друг друга в прошлой жизни, так что в столь скором переходе к поцелуям не было ничего такого. На вкус Хэнк был словно виски и жвачка «Джуси Фрут». Хорошая ночка.

– Придешь обязательно, – сказала Дженнифер, выскальзывая из кабинета.

– Слово скаута! – крикнула Грей. – Закажи мне «Маргариту»!

Глава 3

Доминика Рейдера, основателя и генерального директора «Рейдер Консалтинг», на рабочем месте не было.

Но у Грей и так имелось достаточно информации, чтобы начать работать.

Было два часа дня, и на дороги выехали триллионы машин, хотя порой на шоссе попадались отрезки, по которым пролететь можно весьма свободно, и временами спидометр серебристой «Камри» Грей показывал около сорока миль в час. Она опустила стекла и включила Энджи Стоун, сетующую, что из-за любви она не может ни есть, ни спать.

И именно сейчас Грей испытала это лос-анджелесское чувство: почти что своя, одна в машине, а над ней – небоубийца странного цвета и белые перья дыма впереди, справа и слева. Единственная женщина во втором по величине городе в Америке, и с каждым ударом сердца она будто становилась все менее заметной. В Лос-Анджелесе ее будто знали все и одновременно не знал никто. Кто-то говорил, что это плохо – как когда не различаешь цветов или если у тебя плоскостопие. Но Грей казалось, что подобная анонимность – ее родинка, как у Мэрилин Монро, или нос как у Барбры Стрейзанд.

Она долго ехала на север города, пока не добралась до гаража на медицинской площади при Калифорнийском уни-

верситете. Площадь занимала почти семьсот тысяч квадратных футов. Здесь располагались амбулаторные и исследовательские центры, больницы.

Кардиолог Иан О’Доннелл работал в отделении неотложной помощи. Грей встречалась взглядами с пациентами, которые приехали сюда, потому что их беспокоят легкие, сердце или нежелательные выделения. На выдавших виды стульях сидели мужчины со сбитыми костяшками. Диабетики ждали уколов инсулина, а дети, укутанные в одеяла, со страшным звуком кашляли. В зале ожидания стоял неприятный запах мокроты и невымытых тел, но ковры были чистыми, и лампочки светили ярко.

Хотя бы так.

Грей сдвинула очки на макушку. Она скрестила ноги, будто ей захотелось в туалет. Покалывание и неприятное тянущее чувство возле пупка она проигнорировала – организм напоминал, что ей бы тоже не мешало заглянуть в больницу в качестве пациента. Вместо этого она оглядела помещение, оценила обстановку.

Люди вокруг шмыгали носами, у них слезились глаза, и Грей поежилась. Снова заболеть она не могла. Даже легкую простуду нельзя допускать. За простудой порой скрывается пневмония, а это и воспаленные легкие, и сухой кашель. А раз пневмония, то врачи начнут задавать вопросы о состоянии здоровья, а ни местному персоналу, ни докторам в жутковатых клиниках, где вместо пенициллина выдают ибупро-

фен, ей ничего рассказывать не хотелось.

– Следующий.

Грей поманила черная женщина, сидевшая за стойкой регистрации, и она шагнула вперед. Женщина протянула регистрационную форму.

– На что жалуетесь?

Вот и начались вопросы, а ведь у Грей и глаза не слезятся, и легкие чистые. *И удаленный аппендицит. И живот болит. И, возможно, температура.*

– Я не на прием, – ответила Грей. – У меня дело к доктору О’Доннеллу. Мне сказали приехать сюда.

Грей написала свое имя на бланке для поступления, затем отдала его женщине.

– Хорошо, присаживайтесь, – ответила та. – Возможно, он занят. Как видите, больных сегодня много.

Грей с гораздо большим удовольствием уселась бы рядом с пробирками с кровью, а не с простуженными людьми, переносящими вирусы, которые невооруженным взглядом не разглядеть. Поэтому она выбрала место возле старика, держащего у предплечья пропитанное кровью полотенце. Она сочувственно поморщилась, а затем достала из сумочки телефон.

Пришло время создать новый номер, ведь это ее первое крупное дело в качестве частного детектива. У Грей было приложение «Бернер», которое может сгенерировать сколько угодно телефонных номеров, при этом ее личный номер

остаётся в тайне. У Ника Рейдера тоже был такой рабочий номер. У Дженнифер, Зэди и Клариссы и остальных коллег тоже были отдельные номера. А вот для коммунальных платежей и служб, налогов, квартплаты она использовала один номер.

Грей начинала переживать – и правда словно девственница на тюремном родео, но усмехнулась, когда «Бернер» создал номер для дела Изабель Линкольн.

Йи-ха!

Она вытащила бланки по делу из своего кожаного органайзера. Изабель Линкольн пропала без вести 27 мая, за день до своего дня рождения. Волосы каштановые, глаза карие. Рост средний. На левом бедре татуировка в виде бабочки.

Сердцеедка. Так отец Грей Виктор говорит о хорошеньких девушках вроде Изабель Линкольн. Большие невинные глаза. Сладкая невинная улыбка. Длинные волосы и скулы, как у моделей на обложке «Вога». На таких девушках женятся. Недостатков нет. «А ты не такая, – сказал бы Виктор Грей. – Ты... Капитанша. Такая серьёзная. Надёжная. Находчивая».

Грей перечитала ещё раз пункт о расе Изабель. Белая? Изабель Линкольн не была «белой». Может, метиска. Да, очень сексуальная метиска. Изабель такая же белая, как Хелли Берри. Второй бланк был заполнен на кудрявую собаку шоколадного цвета. Лабрадудль по кличке Кенни Джи. Хозяин – доктор Иан О’Доннелл, но пес был с Изабель в день ее исчезновения.

– Грей Сайкс?

Грей взглянула на дверь, отделяющую комнату ожидания от процедурных. Голос принадлежал высокому, загорелому красавцу. Волосы светлые, плечи как у пловца, под синей униформой – мускулы.

– Доктор О’Доннелл?

Мужчина кивнул, и Грей подплыла к нему, протягивая руку для рукопожатия. Что-то у нее в животе шевельнулось и затрепетало – он просто стоял в дверях, но дыхание у нее перехватило. Врач оглядел ее короткую, под мальчика стрижку, рубенсовские бедра и викторианскую грудь, а затем глаза его остекленели, и он будто перестал ее видеть. Наконец он пожал ее руку.

– Можете называть меня Ианом. Я ожидал...

– Ник поручил ваше дело мне.

– Понятно. Поговорим в моем кабинете.

Пройдя через двойные двери, мимо людей, истекавших кровью, мимо астматиков и гудящих аппаратов, Грей наконец оказалась в кабинете Иана О’Доннелла.

Кабинет был чистым и аккуратным. На краю стола лежали папки, на пробковой доске – фотографии пациентов. Рядом с телефоном – фотографии Иана с Кенни Джи, Кенни Джи в шапочке хирурга и еще одна фотография Кенни Джи на пляже.

Грей положила сумку на кресло, а затем заметила фотографию Изабель. Лицо ее было в тени, за спиной садилось

солнце. Разглядеть возлюбленную Иана можно было с трудом.

Интересно, медсестры, мимо которых они прошли (те, которые смотрели на него так, будто он для них свет в окошке), верили, что Изабель – его одна-единственная? А она и правда для него одна-единственная?

По словам доброго доктора, да, конечно. Они были так счастливы. Не ругались. У них были далеко идущие планы: свадьба, потом медовый месяц в Барселоне и абонемент в театр «Пантэйджес».

– Я думал, что мы счастливы.

Иан дергал себя за нижнюю губу, и теперь она стала вишнево-красной, словно ее ужалила пчела.

– Хочу, чтобы она вернулась домой. Чтобы она... Поговорила со мной и объяснила, почему ушла на этот раз. И почему еще и собаку забрала.

– А вы думаете, с ней все в порядке?

Рука Иана, касавшаяся губы, застыла.

– Конечно. Если бы что-то случилось, их бы нашла полиция.

Мысленно Грей пожала плечами.

– А вы обращались в полицию?

– Ага. На той неделе, когда она пропала. Первого июня.

Грей вывела в блокноте «июнь», но затем ручка перестала писать. Она попыталась ее расписать, но, видимо, закончились чернила. Ручку было не спасти. Грей извиняюще улыб-

нулась и сказала:

– Минуту.

Она потянулась за сумочкой, но руки дрожали, и она упала на пол. Кошелек, дезинфицирующее средство, жевательная резинка, монеты – все разлетелось. Грей бросилась с кресла, запихивая свои вещи обратно в сумочку. Взгляд Иана обжег ей спину, и ей захотелось плакать. В довершение всего запасную ручку в этой суматохе она так и не нашла.

Вернувшись обратно в кресло, Грей извинилась, а затем постаралась перевести дыхание. Надо запомнить как можно больше деталей.

Иан оглядел ее:

– Можем продолжить?

– Да.

Внутри у Грей все горело – жар шел от ее кожи, как от солнца.

– Вы в порядке? Вы как будто...

– Все в порядке, спасибо. Так... Первое июня. Что сказала полиция?

– Они сказали, что она просто рассталась со мной. Судя по тому сообщению...

Грей провела ладонью по вспотевшему лбу.

– А что в этом сообщении?

Иан разблокировал свой телефон и положил его перед Грей.

Сообщение отправлено в понедельник, 27 мая:

ОТВАЛИ ОТ МЕНЯ! ПОШЕЛ ТЫ К ЧЕРТУ! МЕЖДУ НАМИ ВСЕ КОНЧЕНО!

Грей кивнула.

– Да уж. Похоже, что вы расстались.

– Полицейские сказали, что она, видимо, так разозлилась, что решила забрать собаку. И раз нет никаких причин думать, что она попала в беду, искать ее они не будут. Я хотел заявить, что Кенни Джи украли, но мне сказали, что это чревато последствиями. Они думают, что через какое-то время собака ей надоест и она вернет его. Они просто плохо его знают. Кенни Джи – отличный пес.

Грей остановила его движением руки.

– Давайте вернемся к основной теме. Вы сказали, что хотите узнать, почему она ушла «на этот раз». Она часто так делает? Пропадает ни с того ни с сего?

– Вы будете это записывать? – спросил Иан, глядя на Грей. Щеки у нее вспыхнули.

– Ну...

Грей ткнула в стаканчик с ручками возле монитора.

– Я возьму?

Иан кивнул.

Она написала столько, сколько могла за пять секунд. Капля пота стекала по ее виску, но она ее не смахивала. Иан О’Доннелл наклонился, чтобы открыть небольшой холодильник возле своего стола. Вытащил бутылку с водой и открутил крышку.

– Возьмите.

Грей поймала каплю пота костяшками пальцев, а затем потянулась за бутылкой. Когда холодная жидкость попала к ней в горло, она успокоилась и остыла. Освежившись, Грей бросила пустую бутылку в сумку.

– Спасибо.

– На улице жара.

Он откинулся на спинку кресла.

– Итак, Изабель уходит... когда у нас возникают какие-то трудности. Если мы ссоримся или ее друзья-придурки что-то устраивают. Из – я ее так называю – садится в машину и уезжает. Четвертого был бы год, как мы вместе, и вот так она пропадала раза два или три. Она уезжает на несколько дней, а потом возвращается, готовая вести себя как взрослая.

– Куда она обычно едет?

– В Палм-Спрингс. Один раз в Вегас.

Раньше затеряться в Лас-Вегасе было проще простого. А потом владельцы казино установили камеры наблюдения, а девушки начали на каждом шагу делать селфи, на которых порой оказывались совершенно случайные люди. Так что теперь спрятаться в Вегасе почти невозможно.

Грей спросила:

– А может...

Теперь перестала писать и ручка, позаимствованная у Иа-на. Грей захотелось провалиться сквозь землю. Но земля не разверзлась, поэтому Грей положила поверх блокнота еже-

дневник – так Иан не увидит, что ручка не пишет.

– Может, на этот раз Изабель решила не возвращаться?

Зеленые глаза доктора вспыхнули.

– Мы планировали будущее. Я хороший парень... А как же ее семья? Не думаю, что она все бросит, лишь бы насолить мне. Ни за что. Она эгоистка, в этом вся проблема. Думает только о себе, и отчасти мне даже хочется...

– Отчасти хочется? Что?

Он ущипнул себя за губу.

– Вы думаете, она не хочет возвращаться. Так зачем же ее тогда искать?

Иан порозовел и сказал расстроенно:

– Я хочу вернуть собаку.

– С кем еще мне надо поговорить?

– Родители Изабель, Джо и Ребекка Лоуренс; ее лучшая подруга – Ти какая-то там; ее коллеги Фарра, Бет и Нэн и пастор Бернард Данлоп.

Затем Иан добавил:

– И еще какой-то парень по имени Омар. От него как-то пришло сообщение, пока она была в душе. Я записал номер, но не звонил ему. Без понятия, кто он.

– А сообщение вы прочитали?

– Нет. Телефон был заблокирован.

– Не могли бы вы отправить мне номера всех этих людей?

Грей продиктовала Иану свой новый номер, и он отправил СМС с контактной информацией всех, кроме Лоуренсов.

– С ее родителями я никогда не встречался, – сказал он. – Ти была моим посредником в этом безумии.

– Когда вы в последний раз разговаривали с Ти?

– Около двух недель назад. Она Из не видела.

Грей подняла анкету.

– Вы указали, что Изабель белая. Я смотрю на фотографии... и мне так не кажется. Наверное, и другим тоже.

– Она метиска. Но галочку ставит в графе «белая», а не в другой...

– Но почему?

Иан отмахнулся от вопроса:

– Для меня это неважно. Для меня она человек.

Грей напряглась, и могла поклясться, что ненароком закатила глаза. Иан приподнял бровь:

– Что такое?

Грей поджала губы, а Иан продолжил:

– Мы с Из... Мы против разделения на расы. И вообще, вы со всеми клиентами так всегда себя ведете?

– Какие вопросы мне ей задать, чтобы удостовериться, что она это она и что с ней все в порядке?

– Спросите, какая у меня была первая машина. И что я ей впервые подарил. И еще можно спросить, на что у меня аллергия.

И во всех вопросах только Иан, Иан, Иан.

– Вы с Изабель жили вместе?

– Мы обсуждали ее переезд ко мне, но пока нет.

Наверное, потому что почувяла, что от него пахнет безумством и не захотела, что ее любимое пальто тоже все пропахло. А этот запах не так-то просто вывести. Грей много одежды так испортила.

– Но я помогал ей платить за квартиру. Кредитная история у нее так себе, поэтому съемщиком по документам был я.

– А где она живет?

– Не знаю, что за район. Я там не часто бывал. Ни разу не был, пока мы не начали встречаться.

Затем Иан назвал адрес Изабель на Дон-Лоренцо-драйв.

– Это неподалеку от Стокер-стрит, – сказала Грей. – В Болдуин-Хиллз.

– Наверное, но я не знаю эту часть города. Конечно.

– У Тины Тернер был там дом. Джон Синглтон жил там и Том Брэдли, и Рэй Чарльз...

– Ого, – сказал Иан, особо, однако, не впечатлившись. – Можем встретиться там сегодня.

– Отлично. Как думаете, куда она могла податься?

Иан опустил подбородок и посмотрел на Грей.

– Если бы я знал, то, наверное, не стал нанимать частного сыщика.

Единственное, что хорошего он сделал – это дал бутылку воды. Бутылочку. Грей натянула фальшивую улыбку, но как же ей хотелось кинуться на него через стол и воткнуть непишущую ручку в его загорелую щеку.

Иан нахмурился и посмотрел на нее как на несмышленного ребенка.

– Ее друзья наверняка думают, что это я с ней что-то сделал. Но я ее и пальцем не тронул. Я не видел ее, да и я бы никогда не причинил ей вреда. Я же говорю – я хороший парень. Мы обычная парочка. Да, порой мы ругались. Я кричал на нее, а она на меня. Наша последняя ссора? Она сказала, что ненавидит меня, что убила бы, если бы не последствия. Понимаю, она не имела в виду ничего такого, но как же больно такое слышать. А потом еще и собаку мою прихватила?

В дверь постучали, и в кабинет заглянула симпатичная медсестра-блондинка с глазами, как у Мишель Пфайффер:

– Доктор О’Доннелл, вы нам нужны. Там сумасшедший дом.

Иан О’Доннелл с готовностью улыбнулся хорошенькой медсестре Пфайффер:

– Мы почти все, Трин.

Медсестра закрыла дверь, и глаза Иана и Грей встретились. Его поблескивали от слез, а ее остались сухими – прямо как Лос-Анджелес. И эти сухие глаза сомневались, что смотрят на искренне влюбленного мужчину.

Ведь все искренне влюбленные мужчины искренне влюблены, пока не разлюбят. Пока они не начали расстреливать школы, церкви, стоматологические кабинеты, пока не ворвались в спальню. Бойфренды и мужья, папочки и ребята на одну ночь – все они искренне любили. Кровь и любовь. Су-

масшешдая любовь. Любовь до гробовой доски.

Грей – скептик, циник и агностик в любви. Она больше верит в йети, химиотрассы и то, что в ресторанах подают человеческое мясо, чем в это слово из шести букв.

– Ваша ручка, – сказала она, закинув ее обратно в стакан.

Иан О’Доннелл встал с кресла.

– Жду отчетов в конце каждого дня. Ник обещал прописать это в договоре. Даже если это всего лишь пара предложений, я хочу знать, как идет дело. С кем вы говорили, что узнали, ну и так далее.

Грей с хлопком закрыла папку.

– Конечно.

– И без пропусков. Каждый день. Договорились?

Иан О’Доннелл. Герой, бог, человек, исцеляющий людей ежедневно. Мужчина, который, наверное, всегда получает от женщин, что хочет. Того же он ждет и от Грей.

Да уж.

Если бы он только знал.

Глава 4

В прошлом году, за день до четвертого июля, у Иана и Изабель состоялась первая встреча. Она поскользнулась возле лужи у медицинского центра Калифорнийского университета. Иан стал свидетелем ее падения с расстояния в пятидесяти ярдов, побежал ей на помощь и отнес в отделение неотложной помощи, чтобы лично убедиться, что с ней все в порядке. Два часа спустя Иан вернулся в свой кабинет с ее номером телефона, а Изабель покинула больницу. Она сломала лодыжку и на нее наложили эластичную повязку. На следующий день они купили готовую корзину для пикника в дорогом супермаркете и направились к концертному залу «Голливуд-боул», чтобы посмотреть фейерверк. Они впервые поцеловались под Рэя Чарльза, поющего про Америку, пока огненно-красные, белые и синие пиротехнические пионы взрывались в небе над городом.

Иан О’Доннелл рассказал эту историю Грей, сопровождая ее к главному входу.

– Видите, я же говорю, я хороший парень.

Грей ответила:

– Очень трогательная история.

Но она знала, что если набрать в поисковике «парень убил свою девушку, а сосед говорил, что он хороший парень» или «муж убил жену, сосед считал его славным парнем», «муж

убил бывшую жену, а соседи думали, что он хороший» или любую другую комбинация этих слов, то она получит почти шесть миллионов результатов. Она слышала рассказы, что полицейские потом находят пистолеты, которые использовали эти славные парни; она читала рассказы врачей, которые констатировали смерть женщин на месте преступления. Это если хороший парень не закопал ее в неглубокой ямке, не оставил завернутой в одеяло на заднем сиденье своей машины или не бросил тело в бухте, чтобы ее точно никто не нашел.

Неужели Изабель Линкольн тоже вот так умерла? Неужели Иан О'Доннелл теперь играет в славного парня, потому что думает, что Грей тупица? Или он решил, что так ее поразил?

Если бы он не был таким придурком, то, конечно, он бы ее поразил и она бы смущалась, но тупицей ее точно не назовешь.

Сегодня не назовешь. Ведь у Грей тоже случались опрометчивые романчики с успешными и красивыми мужчинами, которые только и знали, что они успешны и красивы. Она тоже не обращала внимания на их высокомерие и небрежное отношения, потому что, *боже мой, только посмотрите на него! Посмотрите, я сижу в его тачке!* Она поможет ему измениться, полюбит его так, что он станет мягким и податливым, как масло. Она, как алмазное сверло, пройдет сквозь его мраморную плиту. Увы, эти успешные, красивые муж-

чины никогда не меняются. А вот она меняется: забывает о друзьях, затыкает внутренний голос, борется с подкатывающими слезами – только бы он ее полюбил. Это он – алмазное сверло, а она – обычная древесина.

В конце концов, Грей набралась ума. Возможно, так было и с Изабель Линкольн.

– Раньше мы каждый день обедали вместе, – сказал Иан О’Доннелл. – До того, как все пошло не так.

– Значит, она работает где-то неподалеку? – спросила Грей.

– В Центре выпускников в главном кампусе. Она выпускница 2009 года. Я – нет. Я закончил бакалавриат в Брауне, затем учился на медицинском в Гарварде, а теперь я здесь. Погода в Лос-Анджелесе лучше, чем в Бостоне. И девушки красивее, – усмехнулся Иан. – Шучу-шучу. Или не шучу.

Грей посмеялась.

Доктор Иан О’Доннелл ей не нравился, и она надеялась, что Изабель оставила разгромный отзыв о нем на сайте «Йелп», прежде чем исчезнуть. *«Этот козел с маленьким членом вечно тянет одеяло на себя, а еще ест козьявки»*. Для работы испытывать симпатию к клиенту не требовалось, особенно учитывая, что в «Рейдер Консалтинг» в основном работали с мошенниками и изменщиками.

Доктор и частный детектив вышли из здания больницы и оказались на улице, залитой ярким светом. Воздух был густой, над головами – голубое небо в крапинку. Один из лапа-

роскопических шрамов Грей, оставленный после экстренного удаления аппендицита полтора месяца назад, начал жечься и шипеть под поясом брюк, и она глубоко задышала этим отравленным воздухом.

– Вы знаете, как отсюда добраться до Центра выпускников? – спросил Иан О’Доннелл.

Грей махнула рукой на север.

– Надо идти в эту сторону.

– И с кем вы собираетесь говорить?

– С Фаррой, Бет и Нэн.

– Если не закончите с этим делом к четырем, встретимся в пять у Из. Ровно в пять, не в пять десять и не в пять тридцать. Из рассказывала, что такое «цветное время» – мол, считается, что не-белые люди всегда опаздывают... Так что не опаздывайте.

Нервы у Грей были на пределе. Изабель Линкольн и Иан О’Доннелл обсуждали, как соотносятся раса и умение не опаздывать? И теперь он еще уточняет, что Грей не стоит опаздывать? Что за черт?

Лет пятнадцать назад за такие слова можно было и получить.

Оставшись одна, Грей зажмурила глаза и подождала, пока пройдет боль в животе, пожалев, что она не пропила курс амоксициллина. Потом она вспомнила, что в сумочке у нее лежит новая упаковка оксикодона, который доктор Мессамер прописал от боли.

Оксикодон она не нашла (а ведь она только взяла новую упаковку в аптеке), но зато нашелся ибупрофен, 600 миллиграммов. *Неплохо.* Она закинула в рот одну гигантскую таблетку. Запить было нечем и пилюля проскребала по ее горлу. Было горько, но бывают такие дни, что по-другому никак.

Нужна новая ручка.

Главное – не облажаться второй раз.

Грей снова пошарила в сумочке. Найдя старую шариковую ручку, покрытую чем-то липким, с приставшими к ней волосками, она села на ближайший заборчик из камня и быстро законспектировала разговор с новым клиентом. Увы, с датами вышла накладка – разобрать, что было написано непишущей ручкой, оказалось не так-то просто

Может, даты не так уж и важны.

Может, она найдет Изабель Линкольн, а расписание их встреч и разговоров с Ианом ей даже не понадобится.

Грей поморщилась. Чувствовала она себя неважно, тело побаливало. Затем она вытащила из своей потрепанной сумочки дезинфицирующее средство. Пока она протирала руки, звякнул телефон. Пришло сообщение от Иана О’Доннелла.

– Господи, уже? – удивилась Грей.

Она написала в ответ, что все в порядке, и направилась в Центр выпускников.

Интересно, Иан О’Доннелл всегда ведет себя как такой... козел? Конечно, он хотел удостовериться, что с его девуш-

кой все в порядке, но правда ли он ее любит и беспокоится? Или все потому, что из-за ее пропажи о нем могут плохо подумать? Как же, посмела его бросить. Да еще собаку прихватила. Грей вспомнилось, как Иан О’Доннелл заходил в больницу. Медсестры махали ему рукой. Мужчины в униформе кивали. Герой – ни дать ни взять. Но в курсе ли его почитатели, что произошло с Изабель?

Глава 5

Директор Центра выпускников Фарра Таррино была пухлой, круглолицей, веснушчатой красоткой с пышными светлыми волосами. Когда они проходили мимо кухни, она предложила Грей пончик. Грей заметила половину пончика с глазурью в розовой коробке, половинку с пурпурной глазурью и половинку с клубничной начинкой, которая сильно сочилась.

– Угощайтесь, – сказала Фарра, вынимая из коробки булочку с корицей. – Рабочий день почти закончился; их просто выбросят.

В животе у Грей заурчало, она взяла пончик с шоколадной глазурью и сразу пожалела о своем выборе: шоколад и белые льняные брюки – сочетание примерно такое же удачное, как ветчина и лобстеры. Фарра отщипнула рассыпчатую верхушку орехового пончика, затем покосилась на Грей.

– Ой, аккуратней. Так на кого вы работаете?

Каким-то образом шоколад уже оказался и на манжете рубашки Грей. Она лизнула большой палец и тут же поняла: «Да черт возьми, я же только что из больницы».

Затем она быстро прикусила пончик, вытирая пальцы и рот салфеткой.

– Я работаю в «Рейдер Консалтинг». Но это все, что я могу сообщить. Конфиденциальность клиента.

Фарра подбирала крошки.

– Думаю, это не имеет значения. Мы все хотим, чтобы Иззи поскорее вернулась домой в целости и сохранности. Давайте я провожу вас к ее столу. Сейчас почти никого нет – лето. Многие в отпуске.

Ее обтянутые колготками бедра терлись друг о друга. Туфли Грей застучали по выложенному коричневой плиткой полу. Вместе они прошли через почти пустой офис и остановились возле двух столов. Стена рядом с одним из рабочих мест была голой. На стуле Изабель же лежали листы бумаги, покрытые стикерами, дожидавшиеся ее возвращения и внимания. На рабочем столе не было ни фотографий Кенни Джи с Изабель, ни Изабель с Ианом О’Доннеллом. На столе стояла фотография в рамке. На ней – пропавшая женщина, обнимающая рыжего полосатого кота. Рядом – фотография той же женщины, стоящей между людьми, очень похожими на Клер Хакстейбл, персонажа популярного сериала о семействе афроамериканцев, и чернокожего актера Лу Ролза.

Ее родители?

Вряд ли. Парочка выглядит так, будто они наизусть знают текст неофициального гимна темнокожих. Они наверняка обожают баскетбол, а дома должен иметься запас куриных крылышек. Любители распевать баптистские гимны. Почему? Да потому что они – воплощение афроамериканцев.

Грей потянулась за сумочкой:

– Вы не возражаете, если я запишу наш разговор на дик-

тофон? Чтобы ничего не упустить?

Конечно, включить диктофон она додумалась только сейчас.

Фарра ответила согласием, и Грей нажала кнопку «Запись» в приложении для голосовых заметок.

– Итак, – начала Грей. – Чем Изабель занимается на работе?

– Она устраивает мероприятия для наших ученых, где они встречаются со спонсорами. Организует заседания правления, поездки для выпускников... Она здесь уже два года. Но недавно подала заявку на должность консультанта по студенческой жизни для работы с первокурсниками. Мне не хотелось, чтобы она уходила, но я написала ей блестящую рекомендацию.

– Она когда-нибудь отлучалась на несколько дней?

– Да, но она всегда заранее договаривалась об отгуле.

– А можно посмотреть, когда она их брала?

Они вернулись в офис Фарры, где та постучала по клавиатуре:

– Вот, пожалуйста.

Она нажала «Печать», и через семь секунд у Грей был список с датами, когда Изабель Линкольн отсутствовала на работе:

5–7 декабря

13–15 марта

22–24 мая

Март и май... Свериться с датами, которые называл Иан О’Доннелл Грей не могла – ручка ведь не писала.

Фарра разрешила ей побеседовать с оставшимися коллегами Изабель в небольшом конференц-зале, в котором заметно пахло едой, и предложила ей банку диетической колы. А Грей как раз не мешало поднять уровень кофеина в крови, чтобы осилить предстоящие беседы.

– Да мы и не думали, что что-то случилось, – рассказывала Бет Шарп, высокая брюнетка с серебряным гвоздиком в носу. – Изабель говорила, что они с Ианом поедут в Палм-Спрингс на День памяти.

– Да? – Грей вскинула брови.

А добрый доктор не упоминал о поездке в городок, расположившийся возле пустыни.

Грей любила все секретное. Секретного Санту, например, или «Секретные материалы». Но больше всего ей нравились секретные поездки!

Ее телефон, лежавший на столе в конференц-зале, загорелся белым, а затем отключился. Она нажала кнопку «Домой» – на экране высветился значок пустой батареи.

– Ой! – вздохнула Бет Шарп. – Дать ручку?

– У меня есть.

Грей порылась в сумке в поисках той дурацкой липкой ручки. Кошелек, ибупрофен, санитайзер, жевательная резинка, монеты... А ручки нет.

– Извините. Давайте продолжим разговор, – сказала Грей,

чувствуя, как от ее лица вновь начинает идти жар. – Если мне что-то потребуется уточнить...

– Напишите мне на почту, – кивнула Бет Шарп. – В общем, Иззи думала, что Иан собирается сделать ей предложение. Не то что она собиралась согласиться. Можно я вам кое-что скажу?

Бет задержала ногой, затем перестала, затем снова задержала ногой.

– Звучит не очень, но я рада, что телефон у вас сел. Не хочу, чтобы это попало на запись... Я думаю, Иан отвез Иззи в Палм-Спрингс и там убил ее. Закопал где-то рядом с одной из гигантских ветряных турбин.

– Это довольно... серьезное обвинение.

– Иззи говорила, что Иан вспыльчивый и что она разузнала какой-то его большой секрет. Она очень нервничала, когда я видела ее в последний раз, и сказала, что этот секрет может разрушить его карьеру.

– И что?

– И он знал, что она знает.

– А дальше?

– Убил ее.

– А потом?

– А потом закопал...

– Под огромной ветряной турбиной, – эту фразу женщины произнесли в унисон.

Нэн Китон – рыжая женщина постарше, одетая в длин-

ную ярусную юбку и ковбойские сапоги, ворвалась в конференц-зал прежде, чем Грей смогла отыскать запасную ручку. Кряхтя, она села в кресло, скрестила руки на своей рыхлой груди и сжала челюсть, как крокодил, ухвативший антилопу гну. Языком тела она явно говорила, что что-то знает, но рассказывать не собирается.

А Грей уже порядком устала.

– Иан сказал, что они с Изабель каждый день вместе обедали.

– Ха! – рявкнула Нэн. – Раза два в неделю бывало, да это еще если повезет. Он вечно работает, вечно спасает жизни. В его руках сердца людей – и это не фигура речи. Он всегда говорил, что если она захочет стать его женой, то придется делить его с пациентами.

– И как Изабель отреагировала?

– А вы как думаете?

– Она думала, что он ей изменяет, хотя говорил, что занят с пациентами?

Нэн не ответила. Она была из тех женщин, которые усердно молились, еще усердней выпивали и всегда ждали своих любовников – водителя грузовика или шерифа из какого-нибудь маленького городка или ждали возвращения блудного сына. Такие женщины горюют по этим мужчинам и льют слезы, которые исчезают в складках их обветренной кожи, но «мы имеем значение, слышите? Слышите?»

– Вы в курсе, что Изабель забрала собаку доктора О’Дон-

нелла? – спросила Грей.

Нэн фыркнула.

– Думаете, мне не насрать?

– Думаю, вы почетный член Общества тех, кому насрать, платите взносы и все такое, но вам, вероятно, следует знать, что она похитила собаку этого человека.

Нэн хмыкнула.

– Поделом ему.

– Ладно, к черту собаку, к черту Иана. Что вы можете рассказать о душевном состоянии Изабель?

– Она ходила расстроенная за несколько дней до того, как все разъехались на День памяти.

– Почему?

Нэн снова сжала челюсти и скрестила руки на груди.

Грей прищурила глаза, в желудке – изжога. Мышцы на шее напряглись – она ждала, когда Нэн заговорит. Но в этой игре ей не выиграть. Не выиграть у женщины, готовой ждать дальнобойщиков и блудных сыновей.

– Вы же наверняка хотите, чтобы мы нашли... – сказала Грей, изо всех сил стараясь звучать спокойно.

– Мы? – рыжая нахмурилась. – Вы не из полиции, и если я кому-то что-то и расскажу, так это им, когда они придут.

– Но полицию это дело не интересует. Изабель пропала около двух месяцев назад, так? Ее не ищут, потому что полиция не считает, что она пропала. Но если вы что-то знаете, если знаете, как и что обстоит на самом деле, вы должны мне

рассказать. А я сообщу...

– Вы меня за дуру, что ли, держите? Думаете, я как те малолетки, у которых в голове одна извилина?

– У вас в голове полно извилин, и поэтому мне нужна ваша помощь.

Нэн собрала пару ворсинок со своей хлопковой блузки и отправила их в полет прямо на ковер.

– Не знаю, на кого ты работаешь, дорогуша, но точно знаю, что ни черта я тебе не расскажу.

Она прикусила язык – явно хотела сказать что-то еще, ведь девчонки вроде Нэн Китон за словом в карман не лезут.

Но как только Грей собралась было сдаться...

– Дело в том, – сказала Нэн, – что Изабель тоже не такая уж бедная овечка. Но она сделала то, что должна была сделать, потому что мы, женщины, делаем то, что должны, чтобы выжить. И иногда ведем себя не очень хорошо. Иногда приходится нелегко. Но чего не сделаешь, чтобы еще немного походить по земле.

Десять лет назад

В ожидании сказки

Ура, едем только с девчонками! В Лас-Вегас с Зоуи, Джей

и Эйвери!

«Город сегодня вечером, – думала Натали, – выглядит великолепно, словно танцовщица – конечно, все вокруг ненастоящее, накладное, но все такое блестящее и чистенькое, гладкое и покрашенное». В полдень температура подскочила до сорока градусов, но как только солнце село, стало не так жарко. За два часа до полуночи небо было все еще ярким, как и днем: зажглись неоновые вывески, засияли автомобильные фары, рекламные щиты и всюду отражения хрома и латуни.

Этой ночью девушки веселились в клубе «Тру» в отеле «Дворец Цезаря». После пяти шотов с «Бейлис», «Калуа», амаретто и взбитыми сливками Натали споткнулась на вип-танцполе и полетела прямо в руки Шона Диксона, промоутера клуба и самого великолепного мужчины, которого она когда-либо встречала. Коротко стриженные кудрявые волосы, смуглая кожа орехового оттенка, этот крепкий парень двигался как настоящий танцор. Весь складный, ладный, ловкий. О да, Шон Диксон был весьма ловок.

Он сказал:

– Мне нравится твоя улыбка, малышка.

Да, конечно. Ее улыбка, ага, а не розовое платье, которое, как вторая кожа, обтягивает ее бедра и задницу.

Она ответила:

– Спасибо. А мне нравятся твои глаза.

Сейчас светло-карие, эти глаза тут же ее зацепили, про-

низали насквозь – такие они были острые. Он купил ей еще выпить, и они болтали обо всем и ни о чем. О первом темно-кожем президенте, о плюсах и минусах поедания теста для печенья, о ее работе в Оклендском музее Калифорнии.

Ей нравилась его уверенность.

Ему понравилось, что она упомянула Марлона Брандо из «Апокалипсис сегодня».

А потом они отправились в его номер на восьмом этаже. Он коснулся ее кожи, и она замерцала словно серебряная пыльца на крыльях бабочки, засверкала, как золотые лучи, пробивающиеся через хрустальные капли дождя. Она задержала дыхание, когда садилась на него верхом – боялась, что выдаст себя. Боялась, что сумасшедшее возбуждение, бегавшее по ее венам, вырвется наружу. Ее радость – вещь хрупкая, как тончайший фарфор, повисший над пропастью. Радость – чувство для нее новое, редкое.

Натали было двадцать девять лет, и все в ее жизни всегда шло наперекосяк. Видимо, и с этой ночью будет также?

Так что она затаила дыхание.

– Останешься на ночь? – спросил Шон, после того как они занялись любовью.

Обеспокоенная, Натали глянула в окно и представила, как ее подруги бродят по окрестностям и ищут ее. А потом в этом же окне она увидела, что все вокруг сияет, словно драгоценный камень. И мир показался ей таким... живым.

– Мои подруги, – сказала она. – Они, наверное, с ума схо-

дят.

– Да уже почти три часа ночи. С ума они уже сошли, а теперь накрутили бигуди и лежат в постели.

Шон засмеялся и погладил ее по руке.

– Ну, детка, оставайся.

Она попыталась рассмеяться.

– Может, ты и прав.

– Да просто позвони им, чтобы не переживать. Где вы остановились?

Она схватила свой сотовый телефон с тумбочки.

– «Серкус-Серкус».

Он фыркнул.

– Seriously? Это же помойка, а не отель.

Натали набрала номер Эйвери.

– Шестьдесят долларов за ночь. Отличный вариант, когда все еще выплачиваешь кредит за обучение.

Кредит этот она никогда не брала – родители Натали были весьма обеспечены, но Шону об этом знать необязательно.

Эйвери не отвечала. Джей и Зоуи тоже. Так что Натали оставила сообщение на автоответчике, а потом написала в групповой чат:

Я в порядке! С Шоном в «Цезаре». Увидимся утром!

Той ночью Натали перестала задерживать дыхание.

Той ночью Натали мерцала, словно серебряная пыльца на крыльях бабочки, сверкала, как золотые лучи.

Утром она снова позвонила Эйвери. На этот раз подруга

ответила:

– Ого, то есть ты все-таки решила сообщить нам, что жива-здорова.

Слова Эйвери выскользнули из трубки и обвилились вокруг ее шеи. Но она проигнорировала напряжение и гнев, нарастающие где-то животе.

– Скоро буду.

Она доехала на такси до их отеля за пятнадцать минут. Оказавшись в задымленном казино, она поднялась в номер. Подруги ничего ей не сказали, поэтому она отправилась в ванную, чтобы переодеться в шорты, майку и кроссовки «Вэнс». Она долго собирала волосы в хвост, понимая, что, когда выйдет, ей придется что-то сказать подругам.

Давай уже выходи...

Она вышла из ванной и оказалась в комнате. Скрестив руки на груди, она встала перед телевизором.

– Может, вы что-нибудь уже скажете?

Эйвери, сидевшая на полу, листала «Космополитен». Зоуи на кушетке красила ногти на ногах. Джей, лежавшая на одной из широких кроватей, делала вид, что спит. Не чувствуя ни ног, ни лица, Натали сказала:

– Ну и прекрасно. Позже увидимся.

Позавтракав, они с Шоном играли в автоматы, а потом гуляли по Лас-Вегас-Стрип. Держась за руки, они пошли посмотреть на магическое шоу в «Экскалибуре», потом он купил ей сумочку «Гуччи», целовал ее и наконец, хлопнув на

прощание по заднице, отправил обратно к подружкам.

К обеду она вернулась в «Серкус-Серкус».

Грозно вскинув бровь, Эйвери спросила:

– Вы только познакомились, а он уже тебе «Гуччи» покупает?

Губы цвета фуксии Зоуи скривились в ухмылке.

– В счет ночных покатушек, видимо.

– Зоуи, ну ты что...

Джей глянула на их беспутную подругу, стоявшую перед ними с глазами, полными слез.

Лучшие друзья берут и называют тебя проституткой. Это больно...

– Может, просто порадуетесь, что я наконец кого-то встретила?

Да он же придурак!

Собственник.

Сумасшедший.

Неправда! Шон им не нравился, потому Натали была не с ними всего лишь одну ночь. Одну ночь! Их не позвали, и они завидовали. Да, их номер весь пропах завистью, и пахло также противно, как потом или луком.

В понедельник, когда они летели обратно в Окленд, Зоуи, Эйвери и Джей с Натали не разговаривали.

Они добрались до их квартиры возле озера Меритт, и у двери Натали ожидала ваза с бледно-лиловыми розами. В записке Шон написал:

Давай я покажу тебе мир.

А еще он обещал купить ей обратный билет в Лас-Вегас.

Да неужели они не понимают?

Они с Шоном созданы друг для друга.

Глава 6

Этот кардиолог явно играл в какую-то игру, так что Грей оставила Фарре, Бет и Нэн свой номер на случай, если у них появятся идеи, что это за игра.

Хотя в конечном счете задача Грей проста: найти доказательства того, что Изабель и Кенни Джи живы.

А теперь она стоит в Центре выпускников перед огромным зеркалом во всю стену в туалете, и ничего кроме отвращения ее отражение у нее не вызывает.

Заляпала себя шоколадом. Одежда вся измята. Ноги опухли и онемели. Мобильник сел. Обезболивающего с собой нет. Ручки тоже нет. Да что за черт?

– И я наверняка подхватила гепатит, когда облизала палец.

Она помыла руки, а затем пронаблюдала, как коричневая вода – *гепатит*? – закрутилась и стекла в канализацию.

Было почти четыре, когда Грей прошла через кафельный вестибюль обратно на улицу, где ее ждали духота и липкий воздух. Она полезла в сумку за ключами от машины и услышала, как рвется подкладка.

Эту сумку она терпеть не могла и тосковала по тем сумочкам, которые носила в старые добрые времена. Мягкие и большие «Живанши», в которые помещалась и книга, и пара обуви, и связка ключей, и билеты на самолет куда-нибудь да-

леко. Но такие вещицы привлекают внимание, а ей не нужно, чтобы женщины ее запоминали.

Ой, да, эту тетку с сумочкой «Фенди» из лимитированной коллекции я помню, потому что я в тот день взяла салат с клюквой, а с утра надела красные джинсы с дыркой на левом колене.

Так что теперь она выбирает сумки дешевенькие и неброские. Ее нынешняя – песочного цвета «Лиз Клейборн» через плечо. Черный ремешок, искусственная кожа и подкладка (рваная) из полиэстера. На сайте «Мейсиз» – пять звезд. Сейчас, правда, звезды уже две, потому что с безудержным ритмом жизни Грей она явно не справилась, а в эксплуатации пробыла всего два года.

Сев в машину, Грей поставила телефон на зарядку – ура! – а затем написала Иану О’Доннеллу: «В каких числах она пропадала?» Тут же появились три точки – он печатал ответ. Разве он не должен сейчас сидеть и изучать рентгеновские снимки пациентов? Ну или утешать очередную красотку. На этот раз не со сломанной лодыжкой, а, допустим, с шалящим сердечком. У него ведь под ветряной турбиной наверняка припрятано тело, которое нужно перепрятать.

Ожидая ответа, Грей наконец нашла в бардачке ручку и еще раз открыла дело Изабель Линкольн.

«Последний раз видел 27 мая, – написал Иан О’Доннелл: – Уезжала в середине марта и в конце мая».

Грей записала даты в пустой блокнот.

Получается, что прошло четыре дня, прежде чем Иан понял, что его девушка пропала. Или он понял, но копам сообщать не спешил? Фарра Таррино говорит, что Изабель брала три дня отгула в декабре, но о декабре Иан сейчас ничего не сказал. А ведь в декабре они уже встречались. Может, она взяла отгул, но никуда не поехала? Сидела дома?

Грей решила переслушать разговор с Фаррой Таррино и Бет Шарп, но как только директор перешла к деталям, телефон снова сел.

В замешательстве Грей пролистала две страницы с каракулями. «И что мне теперь делать?»

Омар. Она нашла сообщение Иана О’Доннелла с его номером. Неужели Изабель махнула рукой на нашего доброго доктора и решила поразвлечься с этим чуваком?

Или Омар просто двоюродный брат? Или консультант в автосервисе?

Грей набрала номер таинственного человека.

Пошли гудки.

– Привет, – ответил мужской голос – Это Оз.

А Оз и Омар – это один и тот же человек?

– Оставьте сообщение.

Молчание, а затем:

– Почтовый ящик переполнен. До свидания.

Грей провела рукой по своей поникшей челке, а затем несколько по экрану телефона в поисках приложения «ОРО», которое разработали в «Рейдер Консалтинг». Авто-

матический считыватель номерных знаков. Любое время.

Везде и всегда – вы у нас на глазах.

От этого слогана Грей становилось не по себе, но приложением тем не менее она пользовалась.

Она установила автоматический трекер на черный «Рендж Ровер» с невадскими номерами (VGSKING) и красный «Ягуар» (тоже невадские номера – SAQTINLV). Если какая-то из этих машин появится в Лос-Анджелесе, то ей придет оповещение и фотография с автомобилем. Три недели назад она подумывала, что, может, «ОРО» не работает или машины продали и у них новые владельцы, но потом вдруг телефон зазвонил и она увидела оповещение. Джип заметили днем возле вокзала. И три следующих дня Грей приходили все новые оповещения. Из Санта-Моники, Вествуд-Виллидж и Калвер-Сити. А потом все стихло.

Но целых три дня джип кружил по Лос-Анджелесу.

В поисках Натали Диксон.

Глава 7

На каждом перекрестке, на каждом светофоре, к которому она направлялась, Грей бросала взгляд на английские дорогие автомобили. Иногда она опускала окно «Камри» и прислушивалась к басам, к невнятному тексту. Вот Карди Би. Вот Джей Зи. Вот звук ее тяжелого дыхания, его тоже было слышно. Но Ноториуз Биг ни у кого не играл.

Как всегда, она резко и без предупреждения сворачивала направо, раздражая водителей позади и заставляя «Камри» быть более маневренной, чем задумали конструкторы.

Но Грей было плевать, хвост ей совершенно не нужен. Что сказала Нэн? Женщины делают то, что должны делать, чтобы выжить. Все, что угодно, чтобы еще хоть день походить по Земле.

Так называемая «любовь» Иана... Милая и симпатичная, в состоянии вынести какие-то повреждения, но слишком уж много дождливых дней выпало на ее долю, она покрылась плесенью, деформировалась. Этакая бамбуковая любовь.

Грей поехала на юг по авеню Ла Бреа в сторону Болдуин-Хиллз. Из причудливого черного квартала наверху открывался вид на центр Лос-Анджелеса и на Тихий океан. Дома в районе внизу, первоначально прозванном «Джунглями», но не из-за расистских представлений какого-нибудь дедули, тоже выходили окнами на город и океан, если, ко-

нечно, не были заколочены или оклеены фольгой.

В этой части города было меньше пробок, чем в Вест-сайте. Больше смуглых лиц. Больше девушек с африканскими косичками. Барбекю, баптисты, мексиканская кухня, бразильские бары. Больше «Макдоналдсов» и «Дель Такос», сцепившихся в борьбе между диабетом и гипертонией.

Изабель Линкольн жила ближе к более красивому району. Серо-белые кондоминиумы на Дон Лоренцо Драйв находились напротив тропы для хайкинга. Удивительно, почему это такая «белая девушка» живет в таком цветном районе.

Грей припарковалась к югу от поста охраны.

Приехала на пятнадцать минут раньше.

Телефон зазвонил. Писал Иан.

Встретились с ее коллегами?

Да, но если я сейчас вам все расскажу, о чем мы будем говорить при встрече?

Он отправил улыбающийся смайлик.

Увидимся в квартире Из в пять. Ее не так-то просто найти. Поаккуратнее там, район маргинальный.

Знавала Грей таких «продвинутых» ребят, для которых все черные районы – «маргинальные». Это ведь тоже своего рода расизм и общение с такими мужчинами – вечная необходимость терпеть эту молчаливую враждебность. Секс, правда, с ними восхитительный.

И вот опять.

Она нашла профиль Изабель Линкольн в «Фейсбуке».

Пропавшей женщине нравились мемы «Сохраняйте спокойствие», котики, баскетбольная команда «Юкла Брюинз», сериал «Друзья» и булочки «Синнабон».

Последняя фотография, размещенная 20 мая, – групповая. Изабель и ее друзья тесно прижимаются друг к другу. Изабель стояла сзади, глаза ее скрывали тени. *Если тяжело, хорошо, когда вокруг тебя твои девчонки.*

17 мая. Рыжий кот по кличке Моррис развалился в корзине для белья. В комментариях – грустные смайлики, «Покойся с миром» и «Как жаль, Иззи». От Иана О’Доннелла – ничего.

6 апреля. Компания друзей, дегустация вин. В бокалах – красное, белое и игристое. Изабель, которой в кадре нет, вероятно, фотографировала. *Если жизнь преподносит одни лимоны – пейте вино.*

Семейное положение – отсутствует. И ни одной фотографии Иана О’Доннелла. А его профиль, напротив, полон любви – в основном к себе и к Кенни Джи.

Последний пост: фотография, на которой он выступает в Калифорнийском фонде, говорит, что надо создавать как можно больше благополучных районов. А вот они с Изабель на концерте Адель. Иан и Кенни Джи на парусной лодке, в кабриолете «Порше», на другой фотографии – вместе едят мороженое. Была фотография рекламного щита медицинского центра Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе с изображением Иана.

Простой поиск в интернете дал почти пять миллионов результатов по запросу «Изабель Линкольн», но только две из них имели отношение к Калифорнийскому университету. И очевидно, что только они могли иметь отношение к пропавшей женщине, которую Грей надо найти. Она просмотрела список друзей и родственников Изабель и выбрала контакт «Ти». В СМС она пояснила, что занимается делом Изабель и что хотела бы поговорить с Ти как можно скорее.

Ти не отвечала.

Грей вылезла из «Тойоты», чтобы размять ноги. Солнце все еще обжигало деревья и склоны холмов, и по спине Грей струился пот. Она чувствовала вкус воздуха – молотый черный перец и древесная стружка. Чтобы размяться, она прошлась ко входу в кондоминиум.

Крыльцо Изабель Линкольн находилось всего в нескольких футах от ворот. Не было ни груды газет, ни пожухлых листьев, занесенных ветром на коврик перед дверью... А вот въездные ворота с неповоротливым замком скрипели от легкого дуновения ветерка. И открываются запросто... Грей проскользнула в ворота и потянула их на себя, пока не услышала щелчок замка. Не хотелось бы, чтобы злоумышленники пробрались внутрь и создали проблемы. Она подошла к крыльцу Изабель, будто пришла сюда по делу, затем постучала в дверь, потому что была вежлива и, возможно, пропавшая женщина не пропала, а сидела на диване с бутылкой пино нуар и пачкой шоколадного печенья, смотрела сериал,

скрывая ото всех, что вообще-то она чернокожая.

– Дома никого нет, – пожилая женщина с широким веснушчатым лицом, как у правозащитницы Майи Анжелу, и в цветочном старушечьем домашнем халате, стояла в открытом дверном проеме через проход, который она делила с Изабель Линкольн. Из гостиной звучал голос судьи Джуди.

«Поймали», – вздрогнула Грей, но затем улыбнулась.

– Здравствуйте! Меня зовут Майя, я подруга Иззи.

Она кивнула в сторону двери.

– Она должна скоро вернуться. Завтра у нее день рождения, и мы планируем устроить сюрприз.

Старуха усмехнулась, и ее затуманенные глаза блеснули.

– Рада слышать, что с ней все в порядке. Она обычно не уезжает так надолго, всего неделю или две, но на этот раз...

– Как вас...

– Беатрис Томпкинс.

– Приятно познакомиться.

Грей склонила голову.

– Да, мы все были застигнуты врасплох, когда она уехала в последний раз. Тем более уезжала она расстроенной.

– Да, я знаю, когда она и этот ее доктор ссорятся, – сказала Беатрис Томпкинс. – Иногда слышу, как они кричат. Кажется, будто там кого-то режут. Но потом, на следующий день, он выходит из квартиры как ни в чем не бывало. Все с гуся вода. Никогда не говорила с ним больше двух минут, но он тот еще тип. Уж я-то знаю.

Грей закатила глаза с притворным раздражением.

– Мы тоже его не слишком любим. Надеемся, что она наконец-то с ним расстанется.

Она подошла к старухе и увидела гостиную: диван, кресло, покрытое разноцветными вязаными одеялами, и современный телевизор с громкостью, вывернутой до максимума.

– Что ж, в то утро она вышла с чемоданом и след ее простыл, – Беатрис Томпкинс подняла руки, как Супермен в полете, – слиняла. Села в машину...

– В свою машину?

– Нет. Ее машина все еще припаркована здесь.

Женщина кивнула налево.

– Так когда же она села в машину?

– В прошлый понедельник. День памяти. Она села в черный грузовик, а не в машину, и полетела.

Снова Супермен.

Грей спросила:

– С ней была собака Иана?

– Собака? Я не видела. Да он вроде и не любит псов. А вот с Изабель он точно обращался так, будто она собака.

– Да нет, к своей собаке он относится совсем по-другому. Кенни Жи...

– Какой еще Кенни?

– Кенни Жи. Как саксофонист. Знаете, такой с кудрявыми волосами. Прямо как у этого пса.

Старушка хмыкнула.

– Я начала беспокоиться за Изабель, только когда пришла полиция. Задавали мне вопросы. Но если ты здесь, и она должна скоро быть дома, значит, беспокоиться не о чем.

– О чем спрашивали копы?

– Ой... О ней – ничего.

Она наклонила голову и прищурилась, глядя вдаль.

– Спрашивали о ком-то по имени... Ох... Вспомнить бы... Лиза, кажется. Спросили, живет ли у нас здесь некая Лиза. Спросили, не слоняются ли вокруг дома подозрительные люди. Я сказала им, что не знаю Лизы и к дому никто не подходит – нужен код от домофона или ключ.

А Грей вошла без ключа, и кода она не знала.

– Нет, вру, – сказала старушка. – Был какой-то парень. Скорее, великан, а не парень, он все стучал в ворота. Однажды кто-то впустил его, и он постучал в дверь Изабель. Ко мне тоже стучал, но я ему не открыла.

– Черный парень? Или белый?

– Опять вру, – сказала миссис Томпкинс. – Было двое мужчин. Один черный – он приходил в прошлом месяце. А потом был белый. Похож на итальянца. Он начал приходить на прошлой неделе. Я ему тоже не открыла.

– Что ж, Изабель должна вернуться домой завтра, но сейчас она очень непредсказуема.

Грей сузила глаза.

– А вы видели человека за рулем черного грузовика?

Беатрис Томпкинс поджала губы.

– Нет. Солнце стояло высоко. Из-за тени ничего не видела. Но я никогда раньше не видела этого грузовика. Другие машины – да, но не этот грузовик. Такая уродливая штука-вина с большими колесами, металлическими решетками и громким двигателем, который, когда включен, рычит на всю округу – ра-та-та-та. Он уже уехал, а я его все равно слышала.

Грей оглянулась на входную дверь Изабель.

– Не вижу бутылок с водой или газет. Кто-то из ее друзей...

Беатрис Томпкинс засмеялась.

– Сюда больше никто не заходил. По крайней мере, я не припоминаю. У меня есть ключ от ее дома, поэтому я все вносила внутрь. Иногда я приглядывала за Моррисом. Знаешь, кормила его, чистила лоток, составляла компанию, когда ее не было в городе.

– Бедный котик, – сказала Грей. – Она его любила.

– Да, правда. Я могу впустить тебя, если нужно. Через несколько дней после отъезда она оставила записку на моей машине. Сказала, что ты придешь забрать почту и ключ.

Грей напряглась.

– Да?

Но старушка уже вернулась в свою квартиру.

– Долго же ты не приходила. Подожди-ка.

Страх охватил сердце Грей. Она сказала, что ты придешь. Что это значит? Она? Кто она? Ты? Кто ты?

– Я нашла ключ, – крикнула Беатрис Томпкинс.

В ворота вошел мужчина с короткой стрижкой. На нем была армейская форма и чистые ботинки. В ширину – как полузащитник, он был на несколько дюймов выше Грей – футов шесть.

– Могу вам чем-нибудь помочь? – спросил он.

– Кевин, – позвала старушка, – это ты?

Он не сводил глаз с Грей и крикнул:

– Да, мама. Это я.

Грей протянула руку:

– Здравствуйте. Майя. – Она указала на дверь Изабель. –

Подруга Изабель.

Эта ложь сделала Грей жизнерадостной и легкой, как воздушный шар. До сих пор ложь была ее любимой частью работы. Старушка вернулась к подъезду с тремя ключами на розовой ленте. Сыну она сказала:

– Как дела, дорогой?

Кевин поцеловал маму в макушку снежной головы.

– Мама, тебе следует отдохнуть.

Она махнула рукой.

– Как ты думаешь, чем я весь день занималась?

Он нахмурился.

– То, что бедро зажило, еще не значит...

– Тихо-тихо.

Она коснулась груди солдата, затем повернулась к Грей.

– Я впусти тебя.

Кевин посмотрел на Грей и покачал головой. Желудок у Грей дрогнул, ее открытый рот захлопнулся и снова открылся, чтобы сказать:

– Все в порядке, миссис Томпкинс. В самом деле. Кевин прав – вам нужно отдыхать.

Ее телефон покачнулся в руке, и она взглянула на экран. Ти!

– Точно? – спросила миссис Томпкинс.

Грей встретила взглядом с Кевином – твердым, темным, решительным – и снова взглянула на телефон.

– Точно.

Она успокаивающе улыбнулась старухе.

– Большое спасибо за помощь Иззи. Вы невероятно добры.

– С нетерпением жду встречи с ней, – сказала Беатрис Томпкинс.

– Может, она пообедаст с моим Кевином. Он в армии пятнадцать лет. Теперь он сержант. Ему нравится рыбалка и фотография, и он самый щедрый мужчина, которого я знаю. И он тоже красивый.

Кевин почти улыбнулся.

– Хватит, мама.

Грей он сказал:

– Приятно познакомиться, Майя.

Грей поспешила обратно к машине, молясь, чтобы сообщение Ти Кристофер приблизило ее на шаг ближе к Изабель

Линкольн.

Глава 8

Вернувшись в «Камри», Грей прочитала сообщение от Ти Кристофер.

Вас нанял Иан? Мне нечего рассказать.

Разочарование, гнев, недоверие – все чувства заключены в этих шести словах.

Я не хочу, чтобы она возвращалась. Если вы с ним встречались, то понимаете, что он за тип.

Они встречались, и теперь Грей хотелось поехать обратно в университет и крикнуть Иану О’Доннеллу в лицо: «Да оставь ты ее в покое!» Все это дело – такое несправедливое, такое ненужное, и теперь Грей злилась, что Ник вообще ей его поручил.

Я сказала ей, что надо жить дальше, а теперь он хочет, чтобы она вернулась. А я не хочу, так что Я С ВАМИ РАЗГОВАРИВАТЬ НЕ БУДУ. Храни вас господь.

Грей засмеялась – храни вас господь. Напряжение в плечах немного прошло. Если Иан и правда агрессивен и издевался над Изабель, как предполагает Бет, то Ти, вероятно, – раздосадованная лучшая подруга, которая не ложилась спать поздно ночью, утешая обезумевшую Изабель. Ти, наверное, говорила, что сделает для Иззи все. Надо только

уехать. Нельзя позволять Иану так с собой обращаться. Слова, которые все равнодушные друзья говорят от отчаяния. Слова, которые в конечном итоге остались без внимания. Что они говорили? Ну например:

Давно пора было от него уйти.

Только послушай себя!

Да что это за жизнь вообще?

Но что есть слова? Просто отдельные элементы речи, используемые с другими элементами, чтобы составить предложение и сформировать мысль. Слова ускользают – точно воздух.

Грей замерла на мгновение, прежде чем ответить. Ее пальцы зависли над клавиатурой телефона. Ей снова стало жарко, и она наблюдала, как ястреб кружит по небу, ждала, пока пульс замедлится.

Три минуты, три вопроса. И вы большие никогда обо мне не услышите.

Возле дома Кевин толкал мусорное ведро к обочине. Одетый в камуфляж, он выглядел, как герой, сильный, как Америка еще в период своего расцвета. Как Америка до Второй мировой, до гимна, урана, стены, измен и порнозвезд.

Еще одно сообщение с неизвестного номера. Грей читала слова – отдельные элементы, такие же ускользающие, как и воздух. От этих слов перехватывало дыхание. Слова кричали с семидюймового экрана...

Глава 9

Пожалуйста, не ищите меня!

Для пропавшей женщины нетипично давать о себе знать с помощью сообщений. Не нужно быть полицейским, чтобы знать, что пропавшие женщины обычно дают о себе знать, когда находят их бедренные кости и вырванные ногти, забытые кожей их убийц. Но только не Изабель Линкольн. Она оказалась уникальной. И теперь у Грей есть доказательство, что Изабель Линкольн жива! Волнение охватило ее – она переписывалась со своей целью! И произошло это в первый же день расследования! Сообщение отправлено с телефона с кодом 702. Это Лас-Вегас.

Обещаю, искать тебя я не буду, но для начала ты должна мне помочь.

День на западе угасал, и уходящее солнце окрашивало небо в карнавалльно-розовый. В «Камри» было жарко, пахло вчерашним гамбургером и остывшей картошкой фри. Грей сохранила номер с кодом 702 в списке контактов «Дело Линкольн», затем отправила сообщение Клариссе, ее коллеге из «Рейдер Консалтинг»: «Пожалуйста, проверь хорошенько этот номер как можно скорее, где зарегистрирован, IP, что угодно. Спасибо!»

И как отреагирует Изабель Линкольн? Пропавшая жен-

щина Грей не нанимала, Грей нанял ее парень-придурок. Так что? Как Изабель нашла номер Грей, который она создала всего несколько часов назад в «Бернере»? Номер попал к ней от Ти?

Кевин Томпкинс выкинул мусор, расставил мусорные баки у обочины и теперь собирал мусор с тротуара. Он что, в увольнении? И хотел ли он сам пойти на свидание с Изабель? Мама его явно была в этом заинтересована. Телефон Грей завибрировал.

Как ты можешь?

Это Изабель!

Будет проще, если я позвоню.

Грей задаст три вопроса. Изабель ответит.

Ее телефон снова зазвонил.

Сообщение и селфи от Хэнка Векслера, того сексуального бармена из ресторана Сэма Хосе. Он держал в руках клубничную «Маргариту».

Тебе полагается эта «Маргарита». И еще кое-что...

Его яркие голубые глаза казались серебряными, как у Носферату. В животе у Грей что-то подскочило, и температура в «Тойоте» стала, как на Юпитере. Затем написала Изабель:

Не хочу звонить. Меня могут выследить. Вы не понимаете!!! Он убьет меня, если я вернусь. Пожалуйста, оставьте это дело!

Я все прекрасно понимаю.

Грей могла бы выступать на «ТэдТокс» на тему «Жизнь – отстой».

Она коснулась значка телефона рядом с именем Изабель. Пошел звонок. *Не сбрасывай, только не сбрасывай.* Дыхание у Грей участилось, пока она держала пульсирующий мобильник у уха.

Я не буду с тобой разговаривать.

Хорошо, – написала Грей, – пусть тогда Ты встретится со мной.

Нет ответа.

Изабель Линкольн нырнула обратно в свой бункер.

Восемь лет назад

Первый

Миссис Диксон всегда была крошечной. В детстве она не доедала и всегда выглядела голодной, будто еда попадала к ней в рот только по праздникам. Стоя рядом с Шоном – настоящим здоровяком, – она казалось бабочкой.

Ей нравились его руки. Нравились эти красивые длинные

загорелые пальцы, которые он когда-то ломал, когда служил. Крепкие руки.

Они зарегистрировались в отеле и поднялись в люкс с джакузи на двенадцатом этаже в отеле «Белладжио», затем посмотрели знаменитое шоу фонтанов прямо из окна своей гостиной, а затем пошли по магазинам – «Армани», «Шанель» и «Гуччи» на Виа Белладжио. В «Картье» он купил ей бриллиантовую сережку в нос.

– Черт побери, – Шон поглядел на купленный ей камень, – какая же ты классная, детка.

Идеальные выходные в честь годовщины первого года совместной жизни. Отдых, которому позавидовали бы все друзья... если бы они о нем только знали.

Когда солнце над Городом грехов село, они пошли ужинать в «Ле Цирк», и он поднял за нее бокал:

– Ты моя жизнь.

Небо окрасилось в розовый, красный и синий, какой бывает в пустыне. Его любовь была поразительной. Раскаленная добела, сияющая. Он так ее любил, что миссис Диксон закрывала глаза и отворачивалась.

Ты все заслужила. После всего, что было... Заслужила. Заслужила такого мужчину. И такое счастье. Бутылка вина за двести долларов. Ризотто с лобстером. Выше нос. Ты все это заслужила.

От счастья у нее кружилась голова, как она кружится в чашечках в «Диснейленде». Теперь она знала, что это такое,

ведь Шон свозил ее в это царство волшебства. Первый раз в ее жизни. И ей нравилось это чувство – в «Диснейленде» ничто не могло ей навредить. Ее любили, и ей это нравилось. В прошлом году любовь Шона взорвалась, как бомба. Как шрапнель, его любовь ранила – причем в самые слабые места. Но она этого не боялась.

Она думала, что из-за ее обручального кольца с бриллиантом (три карата, огранка «Принцесса», с двумя камешками поменьше с обеих сторон, обошлось в две зарплаты, как ей сказали) у других девушек из глаз искры летели. Но топтать ногами с пеной у рта эти гиены на шпильках начинали, глядя не на него, а на простенький платиновый браслет. Она ухватила удачу за хвост (платиновый хвост) и, черт возьми, будет праздновать.

И этот праздник – их с Шоном дело. А уж он постарался в их особенный день. Хотя, конечно, жизнь в Лас-Вегасе потеряла свой блеск. Слишком уж шумно в этом городе. Мировой сортир, куда все приезжают справить нужду и ведут себя, как свиньи.

Но сегодня она сыграет.

Миссис Шон Диксон.

Целый год она носит его фамилию. Целый год она полирует свой платиновый браслет, который при определенном свете напоминает морскую пену. Целый год она носит дизайнерскую одежду и водит «Ягуар». Не жизнь, а мечта.

После обеда мистер и миссис Диксон вызвали такси и по-

ехали потанцевать в клуб «Рио», где этой ночью проходило мероприятие одного из клиентов Шона. Натанцевавшись, она заняла место за столом, где играли в блек-джек. Минимальная ставка – двадцать пять долларов. Ей не нравилось играть с такой высокой ставкой, но Шону нужно было поддерживать репутацию.

Пятидолларовая фиגня не для его жены. Его *жены*.

Сам он паршиво играл в блек-джек (утверждал, что это скучнейшая игра, где все зависит от случая, а не от умений игрока), но стоял позади ее стула и наблюдал.

Дилер положил перед миниатюрной леди в красно-черном платье «Бетси» шестерку бубен и четверку пик. У других игроков тоже были младшие карты, а значит, тузы, короли, дамы и валеты пойдут дальше.

Богатому краснолицему техасцу справа от нее не повезло: у него – бубновая десятка и трефовая тройка. Так что он удвоил ставку миссис Диксон. На эту десятку дилер уложил трефовый туз. Двадцать одно! Все – кроме Шона – кричали и хлопали.

Техасец похлопал ее по руке своей пухлой ладонью, затем сжал ее ладонь.

– Забирай деньги, дорогая.

Двести пятьдесят долларов. Деньги она оставила себе. Ее охватил трепет. Как будто она выпила слишком много вина.

Шон впился в нее взглядом. Не поздравил. Не сказал ей ни слова. Он шел перед ней. Не придержал дверь. Он был

зол. Они вернулись в клуб «Рио», и Шон танцевал со стриптизершей Чайной – знал ее с давних времен. Он накопил анисовых коктейлей – это был первый раз, когда они пошли отдыхать, а на следующий день не нужно было на работу. Он нашел все причины не возвращаться к их столу и не разделить с ней бутылку «Моэта».

Играла песня Принца – их песня, а Шон остался на другом конце клуба, шутя с какой-то девицей, которая сутулилась и еле держалась на каблуках. Однако его тихий гнев лучше, чем громкий. Не то чтобы он ударил ее или что-то в этом роде. Но иногда казалось, что он вполне на такое способен.

Глава 10

Ручки! Мне нужны ручки!

Грей порылась в бардачке «Камри» и обнаружила две новые шариковые ручки. Она сделала пару росчерков на странице в папке – пишут хорошо. Затем опустила окно машины и принялась: пахло эвкалиптом и скунсами. Дерьмом не пахивало – О’Доннелл еще не приехал.

Однако тут же она заприметила темно-серый «Порше», который мчался в ее направлении. Кабриолет свернул на парковочное место, ближайшее к воротам. Светловолосый мужчина за рулем из машины не вылезал. Грей тоже не торопилась. Иан О’Доннелл поднес телефон к уху. Грей взяла свой телефон – полностью заряженный – и нацелила его в сторону Иана.

– Просто не обращай на него внимания, – говорил Иан. – Ты ничего не должна ему отвечать.

Он засмеялся тем громким смехом, которым мужчины смеются, когда говорят по телефону с женщинами. Очень громко. Компенсируют, чтобы в их искренность можно было поверить, ведь лица по телефону не видно.

– Ты ведешь себя так, будто не видела меня весь день, – продолжал Иан. – Нет... Ну, она такая... Я знаю... Теперь я приехал... Я знаю, что это недешево, но мне нужно ее най-

ти... Ха!.. Может она сменила пол или... Ее имя... Точно, да!

Он снова засмеялся, потом посмотрел на часы.

– Опять ты про «шоколадную фабрику»... Потому что я ненавижу, когда ты несешь этот расистский бред... Не могу поверить, что ты ревнуешь... Не в моем вкусе, нет... Она не в моем вкусе... Ну, я бы не сказал, что она толстая...

Иан говорил о Грей.

– Она... пухленькая, как эта... Из «Американского идола»... Дженнифер... Да-да, она!.. Ха!.. Нет, ты моя... Я серьезно.

Он щелкнул козырьком зеркала и выковырял что-то, застрявшее между его передних зубов.

– Да, согласен... Пора идти... Она придет... Позвоню тебе потом... Хорошо... Я тебя тоже.

Грей взглянула на отметку хронометража на телефоне. 0:00. Черт. Забыла нажать большую красную кнопку «Запись».

Иан О’Доннелл вылез из «Порше». Он все еще был в синей форме хирурга – магнит для некоторых женщин. Бросил взгляд на улицу и посмотрел на часы. Что-то пробормотал, затем покачал головой, разочарованный пухлой трансгендершей и частным сыщиком по совместительству, похожей на эту девчонку из шоу по телеку. У калитки он набрал код доступа, а затем исчез в тени.

Грей прошептала: «Веди себя хорошо», затем схватила

папку.

Снаружи кусался прохладный ветерок. Сладкий поцелуй после этого ужасного жаркого дня. Телефон завибрировал, когда она переходила улицу. Писал Иан.

Где вы? Жду вас уже десять минут.

Врешь.

Я жду вас уже пятнадцать.

Победим большую ложь большей правдой.

Иан вернулся к воротам.

– Надо было написать мне.

Всегда кто-то виноват. Он привел ее к той же синей двери, которую она обнаружила несколько минут назад. Без его помощи.

– Вы очень долго просидели в машине. Это опасно. Район тут так себе.

Эвкалипты раскачивались на ветру. Никакого мусора, битого стекла или машин со снятыми крышками у бордюров. Темнокожие миллениалы расхаживают в одежде для йоги, в ушах – наушники-затычки. Кто-то бегал трусцой, другие катаются компаниями на велосипедах. Опасно!

– Вы уже поговорили с Ти? – спросил Иан.

– Пока только переписывались, но уже могу сказать, что о вас у нее вполне сложившееся мнение.

Грей помолчала, затем спросила:

– Вы не знаете, Изабель уехала на своей машине?

– Нет, ее машина за домом.

Красная «Хонда Прелюд» стояла в гараже, запертая и пыльная.

– У вас есть ключи? – спросила Грей.

– Нет.

Когда они подошли к входной двери, Грей спросила:

– Интересно, а как она тогда уехала?

– Может, вызвала «Убер»? А может, Ти подвезла. Не знаю.

Он вставил ключ в замок и толкнул синюю дверь. На встречу им устремился прохладный воздух с запахом ванили. Иан щелкнул выключателем.

– Она все еще платит за счетчики? – спросила Грей.

– Нет, это я все еще плачу за ее счетчики. Говорю же: я хороший парень.

Его брови приподнялись, пока он глядел, как Грей делает пометки в блокноте.

– Вы обзавелись ручкой. Отличная работа!

Грей покраснела, затем крупно написала: «Козел».

В маленькой гостиной лежал дешевый серый ковер, стояла деревянная мебель, деревянный шкаф, на полу – белая плитка. Кушетка черничного цвета казалась жесткой и не сочеталась ни с чем в комнате. Даже с оранжево-желтым покрывалом на подушках.

Кухня сверкала чистотой, но пахло здесь хлоркой и бананами, лежавшими на столе. Они почернели и так сморщились, что над ними даже не кружили мошки.

– Не знаете, она не получала никаких травм перед отъездом? – спросила Грей. – Вроде порезов, синяков, растяжений или чего-то еще?

Иан покачал головой.

– По вашему мнению – медицинскому, личному, – она была... склонна к самоубийству?

Он закатил глаза.

– Ты придумала эту историю, что Из закинулась таблетками, прежде чем уехать.

– Когда это было?

– В пятницу вечером перед Днем памяти. Неважно. Это неправда. Никому не станет лучше после молитвы и горсти обезболивающего. Я сказал Ти, чтобы она врала лучше, особенно о таком. То есть Изабель приняла кучу таблеток и через два дня у нее хватило сил уехать из Лос-Анджелеса? И все это без медицинского вмешательства? Бред. Так не бывает.

Стоя так близко, Грей могла получше изучить лицо Иана. Никаких следов женских ногтей, никаких царапин. Никаких почти заживших синяков под глазами. На губах нет порезов. Он прекрасно выглядел, и кожа его была прекрасна.

– Квартирка крохотная, да? – спросил Иан. – Вроде два этажа, а все равно тесно.

– Неплохо, если живешь один.

– В гробу тоже все по одному.

На кушетке валялась книга с ребусами. Пачка ментоловых

конфеток лежала на кофейном столике рядом с пустой пепельницей. Зажигалки рядом нет. Как и спичек.

– Она курит? – спросила Грей.

– Иногда, – Иан засунул руки под мышки.

– Завтра ведь день рождения, – сказала Грей.

– У кого?

Грей снова посмотрела на него.

Лицо ничего не выражало. Бровью даже не повел. И не пытаясь понять, что бы это могло значить, Грей сказала:

– Ни у кого.

Затем вздохнула. Стало жаль эту Изабель Линкольн.

Стена вдоль лестницы была увешана фотографиями Изабель и Иана в счастливые времена. Вот они целуются перед Эйфелевой башней. Обнимаются в бирюзовых водах Карибского моря.

– Я оплачивал все эти небольшие поездки, – сказал Иан, – планировал еще много чего. Хотел показать ей мир за пределами Лос-Анджелеса, за пределами Америки. Хотел быть ее гидом по жизни. Хотел быть с ней, когда она впервые увидит Тадж-Махал или попробует настоящую итальянскую пиццу с яйцом. Я относился к ней как к принцессе, а она вот как мне отплатила.

Но почему-то от этих фотографий в Париже и Сен-Мартене Грей подташнивало. И приторные слова Иана теперь всю лились ей в глотку. Раньше она бы никогда такое не проглотила, но, стараясь «вести себя хорошо», промолчала

и грустно улыбнулась.

– В Центре выпускников мне сказали, что вы с Изабель должны были уехать на День памяти. Но вы не приехали. Поэтому она приняла таблетки?

Иан поежился.

– Ну, опять же не думаю, что она приняла те таблетки.

– Вы не упомянули об этой поездке.

– Вы не спрашивали.

– Так что случилось?

Он покраснел.

– Мне пришлось работать, а ей это не понравилось. Ей нравилось встречаться с врачом, при этом работу мою она ненавидела. Это Лос-Анджелес, здесь много сердечников. Иногда нужно остаться и помочь, даже когда у меня выходные. Если бы ей потребовался кардиолог, она бы вряд ли захотела услышать: «О, доктор в отпуске, мисс, придется подождать. Но если вы не против, кардиостимулятор вам вставит вот этот второкурсник». Я так не думаю.

– Понимаю.

И на этот раз она и правда поняла. К кардиологу она никогда не обращалась, но врачи из «скорой» много раз накладывали ей швы. И она никогда не думала об их женах, детях или отложенных поездках на Борнео. Никогда.

Ступеньки заскрипели, когда Грей и Иан поднимались на второй этаж.

– По словам ее коллег, – сказала она Иану через плечо, –

вы хотели сделать Изабель предложение в те выходные.

– Предложение? Свадьба?

Грей кивнула.

Он засмеялся, и смех его был таким же искренним и настоящим, как сухое молоко.

– Она вечно ждала, что я буду следовать сценарию, прописанному в ее голове. Как мы будем отмечать годовщины каждый месяц. Наша помолвка. Как я должен сделать предложение и где. Честно говоря, я устал от ее микроменеджмента. Решил, что с меня хватит и я сделаю предложение, когда захочу. Думал, четвертого июля, в нашу годовщину. Но, конечно, к тому времени она уже пропала.

Они дошли до комнаты для гостей, которая была почти пустой, если не считать пары потрепанных кроссовок и большой груды одежды на ковре. Жалюзи закрыты. В комнате пахло потом, немытым телом и грязным бельем.

Грей и Иан вошли в спальню. Повсюду валялись книги, ручки и блокноты. Простыни на большой кровати обвивались вокруг пустой спортивной сумки. Из-под постельного белья торчал толстый вибратор цвета фуксии. На прикроватной тумбочке и в комодке валялись тени для век, тушь и тюбики с губной помадой. На DVD-плеере стояли две коробки из-под красок для волос «Лореаль».

– Она недавно покрасила волосы? – спросила Грей. – В анкете указано, что волосы у нее темные, золотисто-коричневые.

Иан не ответил. Он смотрел на вибратор.

Грей откашлялась и спросила, на этот раз громче:

– Она красила волосы?

– Я не знаю.

Краска для волос – черный сапфир. Одна упаковка нераспечатана, другая – пуста.

В ванной комнате слив был окрашен в черный оттенок.

Грей сфотографировала ванну и сделала несколько крупных планов грязной канализации.

– Она, наверное, покрасила волосы.

Иан указал на «Эпл Уотч» в тонкой белой коробке.

– Оставила. Я выложил кучу денег за эту штуку.

Изабель следовала первому правилу исчезновения: не привязывайся ни к чему, что нельзя оставить за пять секунд. Она, черт возьми, не хотела, чтобы ее отслеживал причудливый маячок на запястье.

Вещей доктора как будто не наблюдалось.

– Вы когда-нибудь здесь ночевали? – спросила Грей, пытаясь не обращать внимания, что ей захотелось в туалет.

– Конечно.

Его телефон зажужжал, и он посмотрел на экран.

– Это из больницы. Надо ответить.

Он направился к двери, затем снова посмотрел на нее.

– Ничего не берите. Я не хочу, чтобы она злилась на меня, когда вернется.

– Так вы думаете, она вернется?

– Да, как только она поймет, что ведет себя глупо, она вернется.

Иан ткнул пальцем в Грей.

– Мне нужно, чтобы вы помогли ей побыстрее это осознать.

Грей показала два больших пальца, поднятых вверх, а когда он отвернулся – средний. Она открыла верхний ящик комода. Трусики и бюстгалтеры любого оттенка. Что-то еще мерцало под грудой нижнего белья, но она не стала трогать и вместо этого сделала быстрый снимок. Во втором ящике она нашла футболки и штаны для йоги. Ничего особенного.

Над комодом висели фотографии в рамках. Та же фотография Изабель с двойниками Лу Ролза и Клер Хакстейбл, и фотография женщин в лыжном снаряжении, за которыми мерцает белый снег.

Не было ни брызг крови, ни порванных занавесок, безвольно свисающих, словно истощенный труп женщины. Грей не слышала криков в этой комнате, но страх все еще скручивался в ее животе. Почему?

В шкафу не было туфель с красной подошвой, зато было много туфель на каблуках, кроссовок и сандалий, которые стоили меньше билета на концерт. Грей порылась в темноте, пока ее пальцы не нашли что-то твердое, квадратное и холодное.

– Что это? – прошептала она.

– Извините, – сказал Иан, лицо его покраснело. – Мне

нужно ехать.

Грей встала, затем спросила:

– Не возражаете, если я...

Она указала на туалет.

Иан скривился.

– А что, очень надо? Я имею в виду... Конечно.

Она покраснела, но все равно быстро прошла в ванную. Управившись менее чем за две минуты, она вернулась в спальню Изабель.

Иан ждал ее, скрестив руки на груди.

– Итак, – сказала Грей, – быстрый вопрос: была ли Изабель раньше замужем? Или помолвлена?

– Нет. Но у нее были плохие отношения. До этого она встречалась с ребятами куда хуже меня.

С акульей улыбкой Грей сказала:

– Коллеги из Центра выпускников сказали, что это вы плохой.

Он взмахнул рукой.

– Меня не волнует, что они думают. У меня в жизни есть дела поважнее, чем беспокоиться об этих стервах.

– А с кем она была до вас. Кто эти ребята хуже вас? Знаете их имена?

Он фыркнул.

– Зачем мне их имена?

– Вам никогда не было любопытно? Она никогда не жаловалась на бывшего Майкла, который брился и никогда не

мыл после себя раковину? Или Пол, который стриг ногти на ногах в постели?

Иан снова фыркнул.

– Извините, меня такое не интересует.

Грей и Иан спустились по лестнице и направились на кухню. На этот раз она заметила наполовину заполненную кружку, стоящую возле плиты – внутри виднелись следы высохшего кофе. На блюде лежал бублик, покрытый сливочным сыром.

Неужели Изабель уехала в тот понедельник совсем внезапно?

Не может быть. Миссис Томпкинс упомянула, что Изабель несла с собой чемодан. У нее было достаточно времени, чтобы собраться. И покрасить волосы.

На стойке для завтрака лежал пустой блокнот. На дверце духовки не было пятнышек засохшей крови. Никаких осколков битого стекла или керамики на кафельном полу. Под вентиляционным отверстием холодильника нет клочков вырванных волос.

– Моррис, – сказала Грей, – от чего он умер?

– Он что-то съел.

– Отравился?

– Без понятия.

Грей покосилась на него.

Иан уставился на Грей.

– Что? Теперь я виновен в смерти кошки? Я его и не видел

никогда. Он всегда прятался, когда я приходил. Из ни разу не просила меня присмотреть за ним.

Дрожащим пальцем он ткнул в сторону квартиры миссис Томпкинс.

– Вы общались с этой старухой и ни слова мне не сказали?

Прежде чем Грей успела ответить, Иан резко отвернулся.

– Великолепно. А теперь я кошачий убийца. Она крадет мою собаку, а злодей я. Да она никогда и не заботилась о Кенни Джи.

– Она присматривала за ним? Из-за вашего графика?

– Я вас умоляю. У Кенни Джи большую часть времени была собачья няня. У Изабель семь пятниц на неделе, она могла забыть приехать. На нее нельзя положиться. Да, она время от времени помогала. Вот почему он был у нее в тот понедельник – она забрала его от няни тем утром, около десяти. А Ти вечно врет, лгунья, знайте это. Она настолько увлечена мифом о святой Изабель, что даже думать не может. Мой совет: на веру из того, что она говорит, можно принимать только процентов десять.

Он покачал головой и добавил:

– Не убивал я этого кота, понятно?

– Хорошо. Возможно, мне придется вернуться сюда, чтобы еще кое-что посмотреть.

Иан побледнел.

– Ник сказал, что мы закончим завтра или самое позднее в субботу.

– Может быть. Я делаю все возможное.

Он провел руками по лицу.

– Я постараюсь найти время впустить вас, но у меня пациенты.

У калитки он сказал:

– И да, завтра день рождения Изабель. Я знаю. Вы просто поймали меня врасплох, и я не сообразил. Но вы-то, конечно, все истолковали по-своему.

Грей снова улыбнулась своей синтетической улыбкой:

– Спасибо, что нашли время, чтобы провести меня. Я знаю, что вы невероятно заняты. Что еще мне нужно знать? Есть какие-нибудь важные секреты, которые могли бы объяснить ее исчезновение? Может, у вас была другая? Или у нее имелся любовник?

Доктор покачал головой.

– Кроме того парня Омара? Нет, никого.

Грей не сводила с него глаз.

А как насчет Большого секрета? Или, может, интрижка с горячей медсестрой? Что вы на самом деле делали в пятницу вечером в выходные, в День памяти?

Иан О’Доннелл снова сел в свой «Порше». Не кивнув и не помахав Грей на прощание, он поехал вниз с холма.

Когда Грей вернулась в «Камри», то поняла, что ей нужно лучше осмотреть квартиру Изабель Линкольн. Что-то было в этом пустом блокноте на стойке за завтраком. И что-то было в этом крошечном ключике, спрятанном под нижним

бельем. И этот твердый металлический ящик на полу в самом темном уголке туалета Изабель...

Повсюду таились большие секреты.

Глава 11

Перед тем как приняться за тако, «Маргариты» и горячих еврейских барменов, Грей нужно было еще раз заехать в офис. И как только она плюхнулась обратно за свой стол, в ее кабинет вошел Доминик Рейдер. В руках он держал бумажную тарелку с кусочками пиццы пепперони.

– Наконец-то, – сказала она, – визит большого босса.

Она подняла очки на макушку, затем потянула за рубашку, заботясь теперь о небольших промежутках между петлями для пуговиц.

– Вижу, ты хорошо устроилась, – сказал он. – Рад, что тебе удалось получить кабинет.

– Скажем так, у меня есть связи.

При виде Ника, сидящего в ее кресле для посетителей – в ее кресле, в ее кабинете, – у Грей перехватило дыхание.

Рядом с ее кабинетом на большой кухне вокруг коробок с пиццей столпились детективы и помощники по административным вопросам, аналитики и консультанты. И теперь соблазнительные ароматы итальянского мяса и томатного соуса с орегано щекотали нос Грей.

Ник поправил кожаную наплечную кобуру под пиджаком.

– Знаешь, там есть пицца. Я угощаю. – Он сделал паузу, а затем добавил: – Ты же не пьешь опять эти коктейли?

– Может, и пью.

Прямо сейчас в офисном холодильнике стояла банка с клубничным вкусом с ее именем.

– В рассылке говорилось, что будет пиво.

Его брови приподнялись.

– За мой счет?

– Ага. И хорошее пиво.

– Вы, ребята, этого достойны, – сказал Ник с полным ртом. – Лучшее для лучших.

– Новая эйчаршица – просто прелесть. *Не секрет, что мы заботимся о вас.* Это она так подписывает свои имейлы.

– Так мы и правда заботимся.

– Ты прислал мне розы после операции. Как учредитель и генеральный директор.

– Серьезно?

– Потому что ты заботишься.

– Поешь пиццы. Один кусочек не повредит. Тебе явно лучше. Надо поесть.

– Пицца – это не пенициллин.

Не то чтобы она пропила курс пенициллина после операции.

– Я могу попросить их заказать салат. Рисовые лепешки или...

– Ник...

Он поднял руку.

– Понял, все в порядке. Просто хочу, чтобы... Ну знаешь... Мы учитывали гастрономические потребности

всех...

В марте Грей была морально готова к тому, чтобы стать младшим детективом, но что насчет ее организма? Видимо, не особенно. Через два месяца ей потребовалась аппендэктомия. До этого она работала из дома, но устала сообщать о результатах расследования – хотела руководить ими. Особенно в тех случаях, когда женщины уходили от опасных мужчин. Но Ник сказал ей, что она не сможет стать следователем, если не будет приходить в офис.

Теперь у нее был кабинет с окном, выходящим на аллеи, посаженные деревьями, и выходом в игровую комнату со столом для пинг-понга. К тому же здесь наливают лучший кофе в здании, раздают бесплатную пиццу и наливают алкоголь – так что она поправилась еще на десять фунтов от всего этого и от того, что пропускала ежедневные трехмильные пробежки. Доктор Мессамер сказал, что она сможет восстановить привычный распорядок дня в июне, но сейчас был июль, и с тех пор она бегала только в ванную.

Ник перешел ко второму куску пиццы.

– Ты гораздо лучше выглядишь.

Грей засмеялась.

– Больше не напоминаю треснувшую банку печенья?

– Я не это имел в виду. Просто переживаю за тебя. Ты заболела, а у нашей работы никакого расписания, никакого регулярного приема пищи. Ты показываешься врачу?

– При необходимости.

– Грей...

– Я не собираюсь раскрывать больше информации, чем необходимо. Ты сам меня этому учил. Я принимаю лекарства, и врач сказал, что бок поболит, это нормально, я выздоравливаю.

Она подняла вверх большой палец.

– Так в чем дело? Проверяешь, жив ли еще Иан О’Доннелл?

– Разве двое старых друзей не могут просто поговорить минутку?

Ник и Грей знали друг друга двадцать четыре года, с тех пор как ей исполнилось пятнадцать. Тогда они были как брат и сестра. Они выросли, и Грей влюбилось в него. А он сказал, что она для него недостаточно зрелая. Обидевшись, она поставила их дружбу на паузу и общалась с ним только как с работодателем. *Да, сэр. Нет, сэр. Спасибо, сэр.* И он избегал ее: никаких случайных встреч в коридорах, никаких столкновений на кухне или на стоянке.

Но в мае они снова стали общаться, выбрали свою дружбу, словно пожелтевшую газету, лежавшую на ветхом крыльце. Как раз вовремя – у Грей лопнул аппендикс.

А теперь ее старый друг ухмылялся.

– Я удивился, что ты захотела стать детективом, – придется работать с людьми, которым платят за любопытство.

– Да, и любопытные люди говорят мне, что ты захаживаешь к биохимичке. Я тоже удивлена. В смысле у нее столько

мозгов, в голове одни формулы. И теперь вы вместе?

Его улыбка стала шире.

– Удивлен, что тебя это заботит. Ведь в девяноста восьми процентах случаев ты меня игнорируешь. Ладно, что с твоим делом?

– Дурацкое.

– Да? – Ник скрестил длинные ноги и поправил складки своих итальянских шерстяных брюк.

– Он...

– Придурок? Но он не такой, как обычные придурки, которые ищут сбежавших подруг.

– Нет? Потому что душок от него именно такой.

– Ну, он друг, – сказал Ник. – Давным-давно он меня защищал. Я подумывал самому по старинке заняться его делом, но мы уезжаем из города с...

– С биохимичкой, – закончила Грей, ухмыляясь.

Ник вытер пальцы о мятую салфетку.

– Она вечно жалуется, что я ее никуда не вожу. Думаю, я просто чего-то не понимаю. Все пляжи выглядят одинаково. Океан синий и мокрый или зеленый и мокрый. В май-тай льют этот отстойный «Малибу», а эти мерзкие комары кусаются везде одинаково. Экономьте свои деньги. Оставайтесь дома.

Грей подперла подбородок рукой:

– Ты такой романтик.

– В общем, меня в городе не будет, поэтому я не могу разо-

браться с этим делом, но я подумал, что ты легко с ним справишься и без особого надзора.

– Он упомянул, что никогда не встречался с родителями Изабель. Ты не знаешь почему?

– А ты спросила его?

Когда Грей не кивнула, он сказал:

– Надо о таком спрашивать, это твоя работа.

На кухне зазвенели стеклянные бутылки.

Ник оглянулся через плечо: на кухне стало больше людей.

– Пиво?

– Похоже на то.

– Хочешь бутылочку?

– Неа. Я же не пью пиво, помнишь?

Он снова взглянул на группу сотрудников.

– Я помню. Просто не верю.

– Можно, я скажу кое-что? Раз уж теперь я курсе дела...

Я знаю, что это наша работа, – сказала она, – но с сотворения мира каждый день начинается и заканчивается тем, что женщина бросает мужчину. Это происходит на семи континентах в более чем ста девяноста странах мира. И даже на Плутоне.

– Таких, как он, женщины не бросают.

– В этом вся и проблема. И именно поэтому я просила не назначать мне клиентов-мужчин.

– Он бесит тебя, потому что эго у него размером с мой член.

Грей закатила глаза.

– Как низко, Ник.

– Да, до самых колен, детка. До колен.

Он резко вскочил с кресла.

– Как ты можешь сидеть, когда там, черт возьми, бесплатно раздают пиво?

– Не бесплатно, – сказала она, обращаясь к его спине. – Ты за него платишь.

Ник выскочил из ее кабинета и присоединился к толпе у стойки для завтрака.

И как бы она ему все рассказала? Сказала бы, что Иан О’Доннелл – друг Ника – бьет женщин?

Грей натянула бисерный шнур жалюзи, и только один лучик солнечного света остался на ее блокноте. Она потеряла виски – подкатывал еще один приступ головной боли, звенящей за глазами. Все потому, что она не надела очки, говоря с Домиником Рейдером. И потому что кондиционированный воздух и высокая влажность усугубляли старые травмы.

Ник вернулся в ее офис, сжимая две бутылки «Флэт Тайр».

– Какую часть фразы «я не пью пиво» ты не понял? – спросила она.

Он фыркнул.

– Это не для тебя, дорогая. Эту, – он поднял одну из бутылок, – я возьму с собой. Ты бывала на Кауаи?

– Давно не была.

Грей не покидала континентальную часть США с 2008 года.

– Вот куда я ее везу. Забронировал нам люкс, и я даже взял машину в аренду.

Он свинтил крышку с пива, которое собирался выпить прямо сейчас и опустошил половину.

– Она, должно быть, гений и в лаборатории, и в постели, раз заставила тебя арендовать машину.

– Твое первое крупное дело. Круто, да?

– Ага.

– Думал, ты будешь довольнее, если тебя отправят искать людей.

Грей моргнула.

– Это мое максимально довольное лицо стервы.

– Ты ведь справишься?

Поддеть ее он не пытался.

– И да, ты говорила, что не хочешь помогать придуркам находить сбежавших девушек...

Грей улыбнулась.

– Все нормально. Я все время помогаю придуркам. Вот сколько раз я помогала тебе?

– Я серьезно.

Глаза Грей бегали по ее кабинету – малиновая орхидея, Эд Руша и его «Идея», плавающая в сером, и «Абсолютный конец» в синем.

Что, если...

Она нашла на телефоне текстовое сообщение Изабель Линкольн и прочитала его Нику.

Он хмыкнул.

Грей моргнула.

– И все?

– Иан не такой.

Ее ноздри раздулись.

– Раз он твой друг, он не может быть придурком?

– Придурок и убийца жен – разные вещи.

– Я знаю.

– Я уверен, поэтому и дал тебе это дело.

Он ткнул в нее пальцем.

– Сделай два шага назад. Все врут. Каждый что-то упускает из повествования.

– Наша работа...

– Делать то, за что нам платят, и в данном случае наша работа – это?..

Она не ответила.

– Наша работа – это?

– Найти Изабель Линкольн. Чтобы она подписала заявление о том, что она в порядке. Чтобы она ответила на три вопроса. Чтобы сфотографировать татуировку на ее левом бедре и то, что она держит в руках газету, затем передать фотографию и заявление...

– И еще собака, – прервал ее Ник. – Надо найти собаку.

– А если она его боится? Что тогда?

– Может быть, это дело для тебя – слишком.

Он сказал это больше себе, чем Грей.

– Может, еще слишком рано. Может быть...

– Я справлюсь, – твердо сказала Грей. Они смотрели друг на друга, пока она не вздохнула и сказала: – Я думаю, собаку он хочет вернуть больше, чем девушку.

– Думаю, ты права. Просто... прислушайся к своему чувству. Заставь ее подписать чертово заявление.

– А если ей нужна наша помощь? – спросила Грей.

Он разочарованно выдохнул:

– Тогда мы ей поможем.

Она нахмурилась.

– Ты говоришь об этом так пренебрежительно.

Он допил пиво.

– А ты драматизируешь.

– Драматизируешь, – сказала она, драматично растягивая слово.

С каких пор «пропала без вести» превратилось в «она прячется и не хочет, чтобы ее нашли»? И если Изабель Линкольн не хотела, чтобы ее нашли, то может потому, что тот, кто ищет – Иан О’Доннелл, – бил ее, руками или ногами, душил. Если она не хотела, чтобы ее нашли, то, может, потому, что он ее убил. Драматично? Конечно. Возможно ли такое? Да как нефиг делать.

Грей и Ник направились к его черному «Юкону». Ее фары отражали закатный огонь, которым пылали горы, окружаю-

щие Лос-Анджелес. Белое солнце расположилось на верхнем слое над городом, среди пепла, смога, влажности и потрескавшейся земли.

Джип поджидал, когда они выедут со стоянки, – хотел занять место Ника. Ник и Грей посмотрели на женщину за рулем джипа. Водительница увидела что-то враждебное в их лицах и помчалась вперед в поисках другого места.

– Если по какой-то причине ты не можешь со мной связаться, – сказал Ник, – позвони Поршии. Она поможет. И Джен тоже может помочь. Она много знает. Или Зэди, если ты не хочешь иметь дело с Джен.

– Понятно.

– Привезу тебе ананас или снежный шарик.

– А можно и то и другое?

Она обняла его, закрыла глаза и вдохнула. От него пахло апельсинами и чистой стиранной одеждой.

– Говорю же: биохимичка дорого обходится. А тут еще вы все – бесплатная пицца и пиво, расхищаете мой бюджет.

Она задела рукой его пистолет, и он поцеловал ее в щеку. Губы его все еще пахли пивом.

Как только они перестали обниматься, Грей сказала:

– Когда-нибудь ты вернешься женатым на какой-нибудь случайной цыпочке со светлыми волосами и отбеленными зубами.

Ник сделал вид, что поежился.

Грей сделала вид, что рассмеялась.

Этот разговор был большой ложью. Да, он ехал с биохимичкой. Но не в отпуск. Он умел находить людей, а также умел их прятать.

Биохимичка уезжала.

Но официально Грей этого не знала. Она не осмелилась спросить. Ничего из этого не было в книгах, которые она читала, или на курсах, которые посещала. Она видела, как уходили другие женщины. Она даже искала новые места для этих женщин, чтобы они могли начать новую жизнь.

И если она сможет доказать, что это необходимо, Ник поможет и Изабель Линкольн.

Он должен был ее остановить

Глава 12

Грей поехала к «Сэму Хосе». Всего миля на запад, подальше от этого медного солнца, спускающегося к горизонту. «Я детектив», – сказала она сама себе, улыбаясь своему отражению в зеркале заднего вида. Теперь она занята настоящей работой, а не просто носится на побегушках.

Сегодня вечером Дженнифер была на бирюзовом «БМВ» – это самая яркая и классная машина на стоянке «Сэма Хосе». Ее третий муж, Рейнальдо, владел бизнесом по аренде автомобилей недалеко от аэропорта, и Дженнифер часто ездила на каких-то экзотических моделях в качестве рекламы. С таким цветом и навороченным двигателем автомобиль стоил больше 100 000 долларов, но любой парень с приличным кредитным рейтингом мог арендовать его за 699 долларов. Красный флажок, приклеенный к окошку со стороны пассажира, кричал: «СПРОСИ МЕНЯ!»

Грей не видела потрепанную «Субару» Зэди или крохотный «Фиат» Клариссы – они, вероятно, доехали с кем-то из офиса.

«Сэм Хосе» вобрал в себя весь мексиканский китч в Лос-Анджелесе. Грей не видела трех своих коллег в свете неоновых

вых пивных вывесок, разноцветных рождественских огней или свисающих маракасов. Día de los Muertos, Lucha libre, сомбреро и пиньяты повсюду.

Хэнк Векслер в баре смешивал мартини.

Понимая, что она вся в поту, в пятнах и складках, Грей сгорбилась, чтобы казаться меньше, пока она кралась по кафельному полу кантины.

Хэнк увидел ее и остановился, испортив, возможно, шикарный коктейль.

Грей робко помахала ему и прошептала:

– Привет.

Хэнк улыбнулся и ответил:

– Привет.

– Мы здесь! – Слова Дженнифер звучали невнятными – виноват высокий стакан с лонг-айлендом в ее руке.

– Ты выглядишь, будто ты сюда на козле приехала.

– Так и есть. Он передает привет – иа.

Грей проскользнула за столик рядом с Зэди и изучила опавшую «Маргариту», ожидающую ее.

– Она почти растаяла.

– В следующий раз, – прохрипела Зэди, – приходи раньше.

Кларисса потянула себя за хвост с розовыми прядками.

– Я выпью, если ты не хочешь. Я не за рулем – меня заберет Ирвинг.

Китайско-американский представитель поколения миллениалов потянулась за «Маргаритой», но Грей хлопнула ее по

руке.

Ирвинг Хван и Кларисса планировали пожениться в середине августа. Несмотря на все попытки, Кларисса и Дженнифер не смогли найти ничего явно зловредного в худом тайваньском бухгалтере, который теперь работал в Америке по визе и любил все американское, включая блондинок, гамбургеры и, о да, Клариссу.

– Хэнк там говорит, что наши первые коктейли – за счет заведения.

Зэди допила газировку с джином и добавила:

– Он на тебя явно запал.

– Прямо как мой мужчина на меня, – щебетала Кларисса.

Дженнифер закатила глаза.

– Да хватит. Я видела Ирвинга – никакой он не мужчина.

Она ткнула пальцем в Грей:

– У тебя нет другого наряда?

Грей сказала:

– У меня не было времени переодеваться.

Дженнифер стукнула по столу.

– Найди время. Ты же хочешь выглядеть сексуально, так?

И я видела, как ты пыталась зайти, надеясь, что он тебя не заметит. Так. В следующий раз, чтобы надела что-то черное, что-то удачное. Надо постараться, Грейсон.

Грей не нашлась что ответить, кроме:

– Ты – пьяный источник пьяной мудрости, Джен.

– Рада, что ты наконец осознала это.

Дженнифер отпила еще.

– Я заказала тебе салат. Никаких тако.

– Что?

– Никакой тяжелой пищи, – сказала Кларисса. – Ты же все еще только поправляешься.

– Помнишь, ты думала, что умираешь, – сказала Дженнифер, – и рухнула в ванной, я вошла и нашла тебя, и все потому, что ты съела буррито?

Грей вспомнила тот восхитительный буррито, который ела через две недели после аппендэктомии, а еще она вспомнила невыносимую боль.

Она пошла в клинику – сказали, что это просто газы. Хуже того, через несколько дней в той же клинике произошла утечка данных, и были украдены имена тысяч пациентов и данные кредитных карт. Этот восхитительный буррито того не стоит.

Зэди покрутила лед в стакане.

– Янковский искал тебя. Насчет формы W-2, теперь ведь ты работаешь полный день.

Грей попыталась реанимировать «Маргариту».

– Я эту форму не заполняла.

Янковский все равно не стал бы платить ей напрямую. Вместо этого «Рейдер Консалтинг» платили Ренате Дон, администратору баз данных Грей. Она попросила Ника объяснить Янковскому, как все устроено, и поняла, что он этого не сделал. Документы. Ник ненавидел бумажную работу.

– Итак, твое первое дело? – сказала Кларисса. – Кто-то потерял ключи?

– Ты прочитала сообщение, я два часа назад отправила, – спросила Грей.

– Ты отправила мне сообщение?

Кларисса провела рукой по телефону.

– Не знала, что на такое нужно обращать внимание. Так это же твое дело.

Грей покосилась на нее.

– Так и есть.

– Посмотрю сегодня вечером. Ой. Хорошие новости: он безопасен.

– Кто безопасен?

– Бармен Хэнк, – сказала Кларисса. – Я проверила его биографию. Он купил это место четыре года назад. Почетное увольнение из морской пехоты десять лет назад после пары поездок в Ирак и Афганистан. Детей нет. Была жена, но через год они развелись. У него есть домик в Биг-Беар и дуплекс неподалеку отсюда. Он дает деньги для ветеранов, животных и исследований рака. Две кредитные карты, автомобиль, без высшего образования, новый холодильник и хаски по имени Сэр. Он буквально идеальный мужчина. – Она села обратно в кабину и усмехнулась: – Так что давай вперед. Посмотрите с ним сериал на «Нетфликсе».

Грей склонила голову.

– Ты все это разузнала, но сообщения моего не видела?

Дженнифер оглянулась через плечо на владельца лучшей кантины в Калвер-Сити.

– И если ты с ним не пойдешь, я пойду.

Кларисса ахнула.

– Ты же замужем.

– Однажды ты все поймешь, – сказала Дженнифер. – Брак – это тяжело. Да, Зэди?

Старуха фыркнула.

– Вы знаете, что сделал мой муж.

Дженнифер отпила из стакана.

– Ни ты, ни Грей не понимаете, как в браке необходим компромисс.

– Ты была замужем трижды, – сказала Грей, приподняв бровь.

– Это в три раза больше, чем вы, – сказала Дженнифер. – Это потому, что я готова рискнуть. Как там говорят? Не знаешь – не говори.

Грей усмехнулась.

– Ты узнала много дерьма от мужа номер два, так ведь? В любом случае я планирую «поговорить об этом» с мистером Векслером.

– Когда? – спросила троица.

Грей покраснела.

– Сегодня вечером. Может быть.

Дженнифер и Кларисса дали друг другу пять.

– Итак, что там с твоим делом? – спросила Кларисса.

– Нет-нет-нет-нет-нет, – Дженнифер всплеснула руками. – Никаких разговоров о работе. Пришло время тако, разговоров о сексе и «Маргаритах».

Четыре женщины какое-то время ничего не говорили.

Наконец Грей сказала:

– Парень потерял девушку, которая украла его собаку.

Кларисса спросила:

– Он изменял?

– Еще не уверена, но подозреваю. Я сказала подруге девушки встретить меня здесь сегодня вечером.

Глаза Грей бегали по кантине в поисках кого-нибудь, похожего на Ти.

Был парень с редкой растительностью на лице, изучавший меню, как если бы это была Тора. Были четыре золотые девочки с бокалами белого вина. Другие посетители смотрели игру Доджерс по телевизору.

– Ты сказала ей прийти сюда? – спросила Зэди.

– Это, – Дженнифер подняла палец, – большая ошибка. Так нельзя. Никогда не смешивай приятное с полезным. Это место? Это твое безопасное место. Где ты можешь вести себя как угодно. А что, если этой Ти понравится, она вернется, и ты больше не сможешь здесь расслабиться? В общем: плохая девочка. – Она постучала Грей по руке. – Плохо.

– Ты права, – сказала Грей. – Глупая идея. Но слишком поздно.

– В любом случае, – сказала Дженнифер, – твой клиент

наверняка ударил ее, вот она и ушла.

– Он ударил ее, – сказала Зэди, – изменил ей, ударил ее еще раз, а затем она ушла.

– Чувак убил ее, – сказала Кларисса. – Знаете, они всегда так делают. Как псих, который явился в женскую школу и буквально взорвал ее класс.

– Или псих, который пришел в дом в костюме Санты, – добавила Зэди.

Дженнифер прищурилась.

– Тот, у которого был огнемет?

Зэди нахмурилась.

– Где, черт возьми, они берут огнеметы?

– На «Амазоне», – сказала Грей. – А эта женщина жива. Она попросила меня не искать ее.

Кларисса наклонила голову.

– Ты уверена, что это была она?

Лицо Грей вспыхнуло.

– Я... просто предположила... Черт.

Зэди сказала:

– Никогда не думай, что кто-то говорит тебе правду. Но ничего, мы все делаем ошибки.

Кларисса положила кубик льда из стакана в рот.

– Если бы это была она, и она жива, значит, она совсем глупая.

Грей сжала толстую ножку стакана с «Маргаритой».

– Я бы ее не назвала глупой.

– Ну-у, – сказала Кларисса, жуя лед. – Она глупая, потому что, типа, на кой черт она пишет следаку? Мы ведь используем все подряд, чтобы находить людей.

– Может, это он, – сказала Дженнифер. – Парень пытается сбить тебя с толку. Хорошо, скажем, у него есть ее телефон, и он отрезал ей большие пальцы, чтобы его разблокировать. Он прячет собаку и притворяется девчонкой. Он нанимает вас, чтобы люди думали, что ему не все равно. И вот ты пускаешься на поиски, разговариваешь с ее друзьями и ее семьей.

– Тем временем она сидит в его подвале без пальцев, и, поскольку он врач, он знает, как разрезать ее остальную часть, а затем он будет использовать яхту своего приятеля, чтобы сбросить ее части в Тихом океане. Теперь вокруг плавают большие белые, и поэтому ее съели акулы, но он все еще: «Куда она ушла и где моя собака, бла-бла-бла».

Грей покачала головой.

– Я не думала об этом. Опять же ты кладезь мудрости, Джен.

Эрнесто, официант, принес им тарелки с едой: тако для всех, кроме Грей. Ей достался мексиканский салат «Цезарь», утопающий в заправке.

– Знаешь, – сказала Кларисса, – что пропавшей женщине нужно сделать операцию на носу, увеличить грудь, а затем лететь в Мачу-Пикчу или куда-то еще, потому что ты буквально найдешь ее, как только я посмотрю на ее номер теле-

фона. Извини, что я не увидела твое сообщение. Мой тренер такой козел...

– Какое отношение твой тренер имеет к тому, что ты не делаешь свою работу? – Грей взглянула на Хэнка.

Он поманил ее, чтобы она подошла.

В последний раз, когда Хэнк подозревал Грей, он предложил ей выпить 50-летнего «Реми Мартена». Потом они проскользнули в его офис, упали на замшевый диван. Десять минут они целовались, как подростки, руку Грей просунула под его боксеры, а его рука залезла под ее лифчик. В тот момент, когда другая ее рука расстегивала ширинку его джинсов, Алекс, второй бармен, постучал в дверь офиса и крикнул, что только что прибыла группа ребят из колледжа из Лойолы Мэримаунт. Хэнк поцеловал ее в нос и прошептал: «Позже?» Грей закусил нижнюю губу. «Мммм».

Да, Хэнк был республиканцем, но целовался как демократ, а «позже» было «сейчас», и кто она такая, чтобы игнорировать его попытки поставить страну выше партии?

А теперь Грей сказала:

– Простите, дамы.

Она вышла из-за стола со своей «Маргаритой». К черту помятые льняные штаны и заляпанную шоколадом рубашку.

Кларисса крикнула:

– Вернись к моему девичнику.

Грей ответила:

– Ха! Может быть, – хотя она не планировала присутство-

вать, потому что вечеринка Клариссы проходила в Лас-Вегасе. Она ненавидела это место и поклялась никогда туда не возвращаться.

В баре она протянула свой умирающий коктейль в огромные руки Хэнка.

– Хочу вернуть деньги, пожалуйста. Мне они нравятся крепкими.

– Да?

Его глаза сверкали неоновым светом.

– Мне нужно, чтобы этот коктейль оказывал какой-то эффект, понимаешь?

Его улыбка, эти глаза – все вызывало у Грей головокружение, возбуждение, сбивало с толку. Как будто она убила в себе бывшую школьницу-баптистку-католичку – атеистку, а теперь ее место заняла распутная сестра-близнец, одетая во вторник в субботные трусики.

– Как насчет... чего-нибудь сейчас, а потом чего-нибудь еще? – спросил Хэнк.

– Ты такой щедрый. Итак... посвящаюсь своему делу.

Она провела по этим еврейским буквам на его предплечье, теперь окрашенным красными, желтыми и голубыми бликами, Lucha Libre и Dos Equis.

Л'Шана Това, Хава Нагила, оле.

– Твои друзья смотрят сюда, – сказал Хэнк.

– Пусть смотрят.

Ее палец прошелся по гимел и реш, буквам, с которых и

правда начиналось ее имя.

– Я серьезно.

Она оглянулась через плечо.

У столика стояла женщина. Кларисса указывала на Грей.

– Еще одна подружка? – спросил Хэнк.

– Не знаю ее.

Грей отступила от бывшего морпеха, не желая отводить взгляд, но зная, что в конце концов ей придется.

– Напишешь мне позже?

Он сверкнул улыбкой, и его глаза заблестели, когда он отошел, чтобы принять заказ клиента.

Кожа посетительницы у столика Грей была цвета миндаля. От нее пахло беконом, что, конечно, не худшее качество для человека. За исключением пушистой челки, волосы женщины были заплетены в длинные косы. Она была крупной девчонкой с покатыми плечами. Одета она была в бирюзовый свитер, в котором она как будто таяла.

Грей подошла и сказала:

– Здравствуйте.

Женщина ответила:

– Здравствуйте.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

– Ты Грей?

– Насколько я помню...

– Изабель просила передать... Она сказала... Иди на хрен!

Глава 13

Иди на хрен.

– Это прямая цитата? – спросила Зэди.

Грей сказал:

– А ты вообще... кто?

– Ти Кристофер.

Женщина моргнула, глядя на четверых подруг сквозь очки с толстыми линзами в роговой оправе.

– Я не собираюсь ругаться, но и не собираюсь смягчать, что Изабель просила передать. Она сказала, что очень важно, чтобы вы знали, что это она говорит, а не я.

Но Грей не знала Изабель, и она, черт возьми, не знала эту женщину, от которой пахло завтраком.

– Еще раз: вы та самая Ти? – спросила она. – Ти, подруга Изабель? Изабель со скулами, как у моделей обложек «Вог» и длинным хвостом? Типичной красотки с крутым парнем-доктором?

Женщина сказала:

– Я не просто подруга. Я ее лучшая подруга.

Кларисса поздоровалась с Ти и представилась, как будто так и надо и все в порядке.

– Тебе не жарко в этом свитере? – спросила Зэди.

– Мне нормально, спасибо.

Грей представляла Ти высокой стройной блондинкой в

брюках «Валентино» и модном пиджаке. Или она могла быть темнокожей: с длинными дредами, голосом, как у соул-певиц и мягкими карими глазами. За очками с бутылочным дном у этой Ти были великолепные густые ресницы, как у коровы. Но вокруг ее рваной кутикулы засохла кровь, она была высокой, но не гибкой, а свитер она явно откопала в каком-то дешевеньком секонде, а не в дорогом бутике.

Обе женщины сели за стол.

– Хочешь выпить? – спросила Грей.

Молодая женщина прикусила заусенец на большом пальце.

– Можно «Спрайт»?

– Конечно, – Грей осмотрела ресторан, – официантов нигде нет. Даже Хэнк куда-то исчез. Давайте подождем. А пока спасибо, что пришли. Я знаю, что это непросто.

– Я сделаю для Изабель все.

Ти снова начала грызть заусенец. Грей улыбнулась, надеясь, что Ти увидит, что ей нечего бояться.

– Так как долго вы с Изабель дружите?

– Около трех лет. Я постучала в ее дверь, предлагала почитать Библию с моей церковью на горе Гефсимания на Креншоу, возле «Дулана»? Я удивилась, что она впустила меня, мы поговорили о Библии, о ее жизни. О хорошем и плохом. В основном о плохом. Она такая красивая, но это далеко не все. Итак, мы помолились, а потом я заехала за ней и мы поехали в церковь в следующее воскресенье. С тех пор мы бы-

ли неразлучны. До нынешнего момента.

Она оглядела ресторан.

– А здесь кормят?

Грей хотела сказать: нет, никакой еды в мексиканском ресторане. Только сомбреро и пустые пиньяты. Вместо этого она протянула:

– Ммм... – и наконец заметила официантку возле кухни.

Ти заказала «Спрайт», а также флауту, чимичангу и торт из говядины.

– Я не ела весь день. И я после работы...

– Кем вы работаете?

– Я специалист по связям с общественностью в некоммерческой организации театрального искусства. Мы ставим спектакли и читаем, обучаем искусству макияжа, и все такое. Я отвечаю за пресс-релизы и блог.

Эта молодая женщина говорила очень хорошо. Никаких «типа», «как бы», ни «эээ» за те пять минут, которые они провели вместе.

– После работы, – продолжала Ти, – мне пришлось зайти в церковь, а потом я приехала сюда, так что еще не обедала.

Грей махнула рукой.

– Это не проблема.

– Грейсон ваше настоящее имя?

Грей кивнула, но напряглась, и на лице у нее застыла улыбка.

Ти закрыла глаза и зашептала. Закончив молиться, она

сказала «Аминь», глубоко вздохнула, медленно выдохнула и открыла глаза.

– Хочу, чтобы Святой Дух руководил мной, потому что слова, которые вот-вот вырвутся из моих уст, принадлежат мне, а не Изабель. И я молилась за вас, мисс Сайкс, чтобы вы поступали правильно, чтобы Бог руководил вашим исследованием. Понимаете?

– Да.

– Есть много причин, по которым Изабель уехала, и Иан – самая главная из них. Он причинил ей столько боли физической, что она даже не может пошевелить рукой...

Грей приподняла руку, останавливая Ти.

– Доктор О’Доннелл бил ее?

Так она и думала.

Ти моргнула своими коровьими ресницами.

– Разве я говорю не ясно?

– Как и вы, я хочу, чтобы слова, исходящие из наших уст, были ясными. То, что вы мне говорите... очень серьезно.

– Знаю.

– Когда он ее ударил?

– Последний раз был в апреле.

– У нее есть фотографии?

– Наверное.

Совершенно спокойная, Ти сложила руки на столе.

– Вы виделись с ним сегодня?

Грей кивнула.

– В День святого Валентина Изабель готовила для него ужин, это было их первое 14 февраля вместе. Она купила особенный наряд и все такое. Украсила квартиру. Все очень романтично. Он должен был прийти в семь вечера, но не появился. Восемь часов, а Иана по-прежнему нет. Он позвонил ей в десять, заявив, что ему нужно было отвезти мать в отделение неотложной помощи.

– Он лгал?

– Он сказал, что звонил и писал.

– Но?

– Но Изабель была так расстроена, что не слышала звонков. А зная Иана, он наверняка соврал и не писал ей, а потом еще обвинил ее, что она их не забрала. Он делал так все время. Заставлял ее думать, что она сумасшедшая.

Сэди вернулась за стол, держа поднос с тарелками. Грей она сказала:

– Это для тебя. От Хэнка.

Она поставила «Маргариту» и положила перед ней записку, написанную на салфетке: «Раз лизнула – теперь твое».

Грей порозовела, но не осмелилась взглянуть на Хэнка, боясь, что она – раз! – и взорвется, разлетевшись осколками по пиньятам и сомбреро.

Напротив нее лучшая подруга Изабель шептала благословение за еду. Затем Ти схватила бутылку «Чолулы» и вылила почти весь соус на свою тортю.

– Он рассказывал вам о выходных в День памяти?

– Немного, но ее коллеги сказали мне, что она была расстроена в ту пятницу.

– Вы ходили в Центр выпускников? – спросила Ти, расширив глаза.

– Да. И мне там очень помогли.

– Изабель и Иан спорили всю неделю. Они должны были уехать из города в пятницу вечером. Однако он не появился. Помня, что он сделал в День святого Валентина, Изабель поехала к нему домой. Он живет на Фермерском рынке, недалеко от Фэрфакса.

Ти откусила большой кусок торты, и мясо перекаатилось с булочки на тарелку.

– Во всяком случае она постучала в его дверь, потому что он так и не дал ей ключей, хотя у него есть ключи от ее почтового ящика и от входной двери. Поэтому он ответил, но не впустил ее. Именно тогда она увидела одну из его медсестер...

– Блондинка? – спросила Грей. – Симпатичная? Похожа на Мишель Пфайффер?

– Ага. Знаете ее?

– Нет. Она зашла к нему в кабинет, пока мы разговаривали.

– Что ж, – продолжила Ти, – Изабель видела ее. Ее зовут Тринити. Она стояла в двери в его спальню и...

Слезы заблестели в глазах Ти и блеснули на ее великолепных ресницах.

– Она была так расстроена, ведь теперь она точно знала, что он ей изменяет. Она накричала на него, и он ударил ее прямо там, на глазах у другой женщины, а затем выгнал Изабель. Она позвонила мне около десяти или одиннадцати часов вечера, я слушаю ее и говорю себе: как-то она странно говорит. Медленно как-то. Я подъехала к ней, дверь была не заперта, вошла, а она на полу в ванной, и там таблетки...

Ти зажала рот рукой, чтобы подавить слезы.

– Таблетки повсюду.

Уши у Грей потеплели, и она положила дрожащую руку на дрожащее запястье Ти.

– То есть она пыталась покончить жизнь самоубийством? Иан говорит...

– Я знаю, что говорит Иан, – отрезала Ти. – Она не разрешила мне вызвать девять-один-один. Не разрешила отвезти ее к врачу – тем более она наверняка знает всех врачей «скорой» в Лос-Анджелесе. Она сказала, что если Бог хочет, чтобы она жила, она справится. Так что я просто сидела с ней и молилась, чтобы Он спас ее, и я молилась и надеялась, что она не приняла достаточно таблеток. Она пережила вечер пятницы. Но всю субботу и воскресенье ей было плохо. По воле Бога она выжила.

– А потом в понедельник она уехала?

Ти кивнула.

По словам миссис Томпкинс, в то утро Изабель села в черный грузовик.

– А что насчет ее семьи? – спросила Грей. – Что они сказали?

– Она ничего не сказала родителям, – сказала Ти, поедая тертый салат. – Она знала, что они выпишут ее по собственному желанию или что-то в этом роде, если она не получит терапию, не пойдет на реабилитацию или не сделает что-нибудь после попытки суицида. Так что мы держали это в секрете.

– А другие ее друзья? Они знали?

– Какие еще друзья?

– Те, что я вижу на ее странице в «Фейсбуке». Дегустация вин в Темекуле и бранч...

– А... Они. Это ненастоящие друзья, – сказала Ти, высоко подняв подбородок. – Они больше напоказ. Что бы выпить, потому что я не пью. Я их не знаю и знать не хочу. Они хотят, чтобы она оставалась с Ианом. Из-за его денег и статуса, из-за всех материальных благ, которые он ей дает. Изабель никогда не могла признаться им... этим женщинам... что она... что Иан...

Грей понимающе кивнула.

– Они знают, что она уехала?

Ти пожала плечами.

– Вы не сказали им?

– Нет. Они тоже не беспокоятся о ней. Не скучают по ней. Ни одна из них не связалась со мной, а ее не было весь июнь, большую часть июля, завтра у нее день рождения, а они за-

няты выпивкой, курят травку и спят со всеми подряд. Они тоже виноваты в депрессии Изабель. Она становилась похожей на них – в душе у нее были одни противоречия...

– Значит, вы сказали Иану, что Изабель пыталась покончить с собой. И он сказал...

– Он сказал: «Она даже убить себя не может нормально».

– Так и сказал?

– Нет. Он это написал.

– Вам?

– Да.

– Когда?

– Примерно через несколько дней после того, как все произошло.

– Изабель к тому времени уже уехала.

Ти кивнула.

– Вы все еще поддерживали с ней контакт.

Ти снова кивнула.

– Но Иан думал, что все в порядке...

– Примерно до первого июня. Именно тогда он обратился в полицию. Он пытался позвонить ей, но она не отвечала. Пошел к ней домой, но ее не было. Затем заявил, что она украла Кенни Джи. Вот почему он нанял вас. Ему плевать на нее – он просто хочет свою проклятую собаку.

– Кстати о собаке...

– Изабель всегда за ним приглядывала из-за графика Иан. Так что Кенни Джи и ее пес тоже.

– Но он купил собаку. Вероятно, он платит за лицензию на собаку, и я думаю, вы правы – он больше заботится о собаке, чем о Изабель. Но она должна вернуть пса. Я могу организовать обмен. Или вы можете забрать его и вернуть.

– Я спрошу Изабель, но вряд ли что-то получится.

Слеза скатилась по щеке Ти, и она смахнула ее рукой.

– Она знала, что ему все равно. Она знала, что он хочет ее смерти, и решила уйти – на этот раз навсегда.

Внутри Грей все закипало. Хотел ее смерти?

– Он сказал мне, что она уезжала и раньше.

– И он всегда очень мило уговаривал ее вернуться. А когда милые разговоры не помогали, начинал угрожать.

– Чем он ей угрожал?

Грей подавила слезы. Может, Ник прав. Может, ей рано заниматься таким делом.

– Он сказал...

Ти провела пальцем по кускам салата и сыра на столе. В свитере ей явно было жарко, по виску струился пот.

– Он сказал, что тем, кого она любит, не поздоровится. Сначала она ему не поверила, но потом он отравил ее кошку.

Грей стало трудно дышать. Иан отрицал свою причастность к смерти Морриса.

– Как это?

– Ветеринар обнаружил крысиный яд в организме Морриса. Изабель ничего не оставалось, как усыпить его.

– Откуда вы знаете, что Иан... Я имею в виду, кошки веч-

но хватают все подряд. Моррис мог найти...

Она замолчала, а Ти продолжала качать головой.

– Ладно, может, он и убил кота.

– Мы точно знаем, что он убил кота.

Грей отхлебнула «Маргариты», но вкуса не почувствовала. Хорошо, ведь она ненавидела текилу. Она любила мартини – грязный, розовый, «Гибсон»... Но от той жизни она отказалась как и от таких коктейлей.

– Ти, я все понимаю, и мне очень жаль, что Изабель оказалась в такой ситуации. Но я не могу просто сказать Иану, что с ней все в порядке, что с Кенни Джи все в порядке и что ему нужно просто обо всем забыть. Мне нужны доказательства.

Ти покосилась на Грей.

– Какие доказательства?

– Фотография Изабель, держащей завтрашнюю газету, фотография ее левого бедра, рукописное заявление, в котором говорится, что с ней все в порядке, а также ответы на три контрольных вопроса. И мне нужно, чтобы Кенни Джи был на фотографии с газетой.

На салфетке Грей записала эти инструкции вместе со своим адресом электронной почты.

– И еще вопрос: вы дали Изабель мой номер телефона?

Ти свернул салфетку в небольшой квадратик.

– Дала. Я думала, она должна знать, что он ее ищет и нанял вас.

От эмблемы «Короны» на стол ложились слабые золоти-

стые и синие блики. Ей хотелось спросить Ти о черном грузовике и утренней поездке. И особенно она хотела спросить об Омаре, но чутье подсказывало ей подождать.

– Так вы знаете, где она? – вместо этого спросила Грей. – Ей что-нибудь нужно? Деньги или билет на самолет...

Ти покачала головой.

– Иан – это сплошная ложь. Он ее не любил. Он никогда ее не любил. И если она когда-нибудь вернется, она расскажет Медицинскому совету Калифорнии все, о каждом ударе, который она получала от него. И тогда они отзовут его лицензию.

– Полиция...

– Мы не вызывали полицию. Вызов полиции разозлил бы Иана еще больше.

В некоторых случаях запретительные судебные приказы кормили зверя, а не приручали его. Иногда запретительные судебные приказы давали ощущение ложной безопасности, хотя это всего лишь бумажный щит. Как будто урод, который пихается, пинается, бьет или душит свою девушку, будет уважать закон. К тому же нарушение запретительного судебного приказа – не серьезное преступление. Укус насекомого, даже не зараженного вирусом Зика. Какой носорог испугается обыкновенного комара?

Изабель не идет к суду за защитой?

Грей понимала это лучше всех на свете.

– Изабель в порядке, – сказала Ти. – У нее есть деньги, у

нее есть пистолет и у нее... есть я.

У Изабель пистолет?

Отстой.

Ник думает, что Иан О’Доннелл хороший парень и оружие ей не нужно. Но Грей знала, что такие ребята никогда поначалу не вызывают подозрений и кажутся хорошими... Пока не станет слишком поздно и на их руках не окажется кровь.

ВОСЕМЬ ЛЕТ НАЗАД

Незабываемая

Это была их первая годовщина, и уже в третий раз за ночь Шон танцевал с Джорджиной, британкой с кривой челкой, которая по работе могла пройти на любую вечеринку. И теперь миссис Диксон знала, что ей придется что-то сказать, и знала, что он посмотрел на нее так, как на следующий день после ее дня рождения, всего две недели назад – дня рождения, о котором он забыл...

Черт возьми, ссора в первую же годовщину.

Вернувшись в свой номер, миссис Диксон поставила на кровать ведро четвертаков – выиграла в автоматах. Она играла одна. Нервы были натянуты словно струны.

– Я должна была сказать: «Нет, спасибо, я не возьму две-

сти пятьдесят долларов»? – наконец спросила она мужа. – Что я сделала такого?

Шон не ответил. Он взял банку кока-колы из бара, налил в стакан, вылив еще две маленькие бутылки «Джека Дэниэлса». Он перемешивал коктейль мизинцем и пристально смотрел в окно, выходящее на побережье.

– Шон, – умоляла миссис Диксон, – пожалуйста, ответь мне и перестань обижаться.

Ее решимость доказать свою правоту испарилась, к тому же было трудно одновременно дышать и умолять.

Но теперь она поняла: хотя она и не была главной героиней фильма «Непристойное предложение», она все же знала, что было *такого* в ее поведении. Никто не предлагал Шону миллион долларов, да и она бы никогда не легла в постель с техасцем. И все же она извинилась:

– Такого больше не повторится, ладно? Шон, это было безобидное развлечение, я бы...

Он бросился к ней, в последний момент повернулся и скинул ведро с кровати. Четвертаки разлетелись по комнате, как крошечные шрапнели.

– Как ты думаешь, какого было мне, – кричал он, – узнать, что моя жена шлюха?

Она приблизилась к нему, дочь сотрудника Бюро, который говорил ей никогда никому не позволять так с собой обращаться. Миссис Диксон, закипая от ярости, закричала

– Кого, черт возьми, ты называешь шлюхой?

Шон прорычал:

– Тебе лучше отойти от меня к черту, стерва.

Она положила руки на бедра.

– А то что?

Сейчас это была дочь школьной учительницы, благодаря которой, она знала, задиры не любят, если им дают отпор и отступают, если встречают его.

Но Шон не отступил. Он схватил ее за руку, схватил так сильно, что она задохнулась от удивления. Она попыталась вырваться из его железной хватки, но его пальцы сжались еще сильнее. Другой рукой он взял ее за горло, и она едва смогла издать удивленный вскрик. Затем он толкнул ее, и она перевернулась через диван, упав в джакузи с оглушительным треском.

Этот момент был похож на... на... один из тех смерчей над Иллинойсом, беспорядочно налетающих, темных, злых и внезапных.

Шон молчал. Он просто уставился на свою жену, промокшую до нитки, которая изо всех сил пыталась вылезти на ковер. А затем он... ушел. Не сказав ни «пока», ни «я вернусь». Просто ушел.

Все ее кости были целы, но вместо этого внутри сломалось что-то другое.

Миссис Диксон плакала, пока город, скрывавшийся за окнами в пол, мерцал и искрился. Магия! Азартные игры! Девушки! Омары! Она всю ночь собирала монеты по комнате,

отвлекаясь от внезапного беспорядка в ее жизни. Она вздрагивала при каждом вдохе. Боль пронзала все ее тело.

Ей некуда было пойти. Ее друзья ненавидели Шона, и за год миссис Диксон перестала звонить и Эйвери, и Зоуи, и Джей. Ее все еще приглашали на дни рождения, пикники и даже на помолвку Зоуи, но жизнь ее друзей была настолько... другой. Эйвери и Зоуи все еще жили в Северной Калифорнии, а Джей в Северном Вегасе, в двенадцати милях от дома миссис Диксон в Саммерлине. Это были самые долгие двенадцать миль за всю историю человечества.

Будьте всегда при муже. Фэй так и делала даже после смерти Виктора, оттого она и умерла.

Разум миссис Диксон лихорадочно работал, пока не нашел воспоминания о Фэй и Викторе, упокой Господь их души. Виктор был агентом ФБР в полевом офисе в Сан-Франциско, а Фэй была его женой, школьной учительницей. Они никогда не были жестокими по отношению друг к другу. Стабильные и любящие отношения. Блестящее совершенство. «Это именно то, чего мы ждем от тебя», – говорили Фэй и Виктор.

Но это – валяться на шезлонге в слезах? Уж точно далеко до блестящего совершенства.

Делай что-нибудь. Вот что сказал бы ей папа. Мама скрестила бы руки, приподняла бровь и сказала: «Ну?»

Миссис Диксон нашла ближайший автомат для монет в казино и получила за свои четвертаки наличные – еще семь-

десять пять долларов на черный день.

Вернувшись в комнату, она сделала первую запись в кожаном дневнике от Тиффани, который Шон только что подарил ей в честь их первой годовщины: «Скверная ночь». Она все еще чувствовала запах своего страха, его дыхания и тех монет. Слезы стекали на страницу, пока она рассказывала, как он ее толкнул, как она прикусила губу падая и как Шон ушел.

Боль всего тела сосредоточилась в правой руке, пока она описывала все в мельчайших деталях, ловя момент, как лепидоптеролог, прижимающий длиннокрылую бабочку сафо. По словам доктора Андерхилла, ведение дневника снимало напряжение, заставляло ее думать медленнее и подавляло страх. Вскоре страницы дневника заполнились ее страхами, датами и описаниями того, как Шон причинял ей боль, угрожал.

Каждый раз, делая запись в дневнике, она прятала его в потайных карманах своей дизайнерской сумочки или под фальшивым дном мусорной корзины в ванной. *Это нелепо*, но она продолжала это делать. Ей ничего не оставалось кроме ведения дневника, ведь она не работала, Шон не хотел. Все деньги, которые она находила в карманах его одежды, в стиральной машине и сушилке, она собирала. Иногда монетки звенели. А иногда, когда ей везло, она подбирала деньги. И кольца – у нее всегда были кольца Фэй и ее кольца на всякий случай...

Но в эту ночь, в их первую годовщину, она не задумывалась о будущем слишком серьезно, а в дневнике была заполнена всего одна страница.

Около трех часов утра Шон вернулся.

Она притворилась спящей.

Он не стал заходить в спальню. Нет, он просто стоял там, его тень становилась все четче и длиннее. Наконец он ушел, а потом... музыка. Лютер Вандросс в колонках. Какого черта?

Миссис Диксон лежала, свесив одну ногу с кровати, пока Лютер пел о времени, когда она играла на своей милой гитаре. Она не знала, что и думать. Шон был не *таким*. Явно злой, такой карикатурный ревнивец. Он не был пьян, хотя это было бы логично. Она и раньше видела такой гнев. В те тяжелые времена ее били, толкали, щипали. Такое насилие всегда на виду. И она плакала в постели, пока из другой комнаты звучали странные любовные песни Лютера Вандросса, ее любимого певца.

Это не Шон.

Нет.

Вот что она сказала себе на следующее утро, стоя с опухшими глазами, перед зеркалом в ванной со светом, который буквально накануне придавал ей гламурный вид. От этого света порез на губе, нежно-фиолетовый синяк на правой руке и соответствующий синяк на пояснице казались уродливее и злее, чем были на самом деле. Да, все дело в свете.

Шон вошел в ванную и встал позади нее. Он встретил ее

взгляд в зеркальном отражении.

– Мы немного увлеклись, а?

На нем были джинсы «Левайс» и его любимый свитер с V-образным вырезом поверх белой футболки. Униформа славного парня. Он провел рукой по своему красивому лицу.

Слеза скатилась по щеке миссис Диксон. Единственное движение во всем теле.

При виде этой капли в глазах Шона вспыхнул гнев.

– Я... – Его ноздри раздулись.

Едва дыша, она оторвала от него взгляд. Она окаменела, когда его дыхание обожгло ей уши. Что он собирался делать?

Он сказал:

– Я больше никогда не трону тебя. Ладно?

Его слова были словно гигантская пилюля, скребущая горло и оставляющая после себя горький привкус. Она ее проглотила, затем прошептала:

– Хорошо.

Он взял ее за плечи, затем поцеловал в макушку.

– Я не заслуживаю тебя, я знаю. Ты знаешь. Все в мире, в том числе тот вчерашний мужик, знают это, и я тоже. Ты невероятная, миссис Диксон. У меня перехватывает дыхание, и я все исправлю.

Почти то же самое он говорил, когда извинялся за то, что забыл о ее дне рождения в прошлом месяце. *Я все исправлю.*

Сегодня утром он поцеловал синяк на ее руке.

– Одевайся. Мы позавтракаем, а потом пойдем по магази-

нам, хорошо? Я собирался тебя удивить, но... — он внезапно застенчиво улыбнулся. — Я купил нам билеты на шоу Копперфильда сегодня вечером. Ты же любишь Копперфильда. Поехали.

Он подмигнул ее отражению и шлепнул по заднице.

Миссис Диксон напряглась от этого легкого удара. Даже после того, как он вышел из ванной, она осталась там перед этим волшебным зеркалом с бриллиантом в носу. Безупречная. Хотя синяки становились все более уродливыми, кровь продолжала течь по разорванным сосудам под ее кожей. Она не хотела видеть это уродство в день своей первой годовщины.

Так что она порылась в своей косметичке, откладывая в сторону подводку, блеск для губ, тушь, увлажняющий крем, точилку, ватный диск, пинцет... А, вот. Она открутила крышку флакона с тональным кремом и выдавила идеальную каплю на палец.

Глава 14

Ти заказала десерт, затем попросила Грей пообещать, что она не затащит Изабель обратно в Лос-Анджелес.

Но Грей не нанимали, чтобы кого-то куда-то тащить. Посмотрев, как Ти ест чуррос и мороженое, и оплатив счет, она проводила женщину на стоянку, к потрепанной зеленой «Альтима». Заднее окно было уставлено тысячами кукол-троллей.

Солнце село, и весь свет исходил от сотен фар и стоп-сигналов машин, которые тянулись на восток и запад по бульвару Джефферсон. Пришло время вступить в бой.

– Попросите Изабель прислать то, что мне нужно, – сказала Грей Ти, – и я заберу собаку, откуда она решит, и тогда мы закончим. Обещаю.

– Я сделаю все возможное, чтобы убедить ее, – сказала Ти. – Спасибо, Грей. Храни вас Господь.

Вернувшись в ресторан, Дженнифер схватила сумочку с банкетки, которую делила с Грей, всего на шесть минут.

– Ну вот, не поработали сегодня вечером, называется.

– Не волнуйся, – сказала Грей. – Ты не работала. И тут ничего не поделаешь.

– Ты сказала ей встретиться с тобой здесь, – отметила Дженнифер.

– Ошибка новичка, – сказала Кларисса.

Дженнифер взяла Грей под руку, пока они шли к выходу.
– Продуктивно?

Грей оглянулась на бар. Хэнк наливал пиво для ребят из колледжа.

– Она говорит, что парень избивал Изабель.

– Что с голосом? – спросила Дженнифер.

– Не понимаю, почему Ник дал мне это дело. То есть я понимаю, но...

Дженнифер сжала руку Грей.

– Если не хочешь, я возьму. И ты сможешь вернуться к тому, что у тебя получается лучше всего. Что это у нас? Печатать?

– Набор и проверка, – сказал Грей. – В любом случае Изабель должна прислать доказательства того, что она жива, завтра. И тогда я раскрою свое самое первое дело. Ура.

С этими словами Грей снова села в «Камри» и поехала домой по извилистой дороге за пять лишних миль. Ее маршрут – многоножка, картина из красных лент, пуля, рикошетившая через труп площадью 503 квадратных мили. Никаких черных «Рендж Роверов» или красных «Ягуаров» в зеркале заднего вида. И это заставило ее задуматься о своем обещании не тащить Изабель Линкольн обратно в Лос-Анджелес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.